

Капитали\$t.

Часть 2. 1988

Деметрио Росси

18+

Дементирио Росси
Капитали\$t. Часть 2. 1988

«Автор»

2024

Росси Д.

Капитали\$t. Часть 2. 1988 / Д. Росси — «Автор», 2024

1988-й год. Расцвет кооперативного движения, зарождение отечественного бизнеса, Перестройка, кризисы, молодежная преступность, межнациональные конфликты - в это непростое время продолжаются приключения нашего современника Алексея Петрова. Он не только выстраивает успешный бизнес, пользуясь пост-знанием и семейным влиянием, но и пробует слегка исправить историю...

© Росси Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дементио Росси

Капитали\$t. Часть 2. 1988

Глава 1

Саша Щербатый погиб глупо, можно сказать – случайно. Теплым майским вечером года одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого, он с приятелями сидел в одном из баров в центре нашего города и, как водится, чего-то отмечал. На его беду, в этом же баре что-то отмечали кавказские торговцы фруктами – люди горячие, шумные и вспыльчивые. И немало красивых тостов было произнесено, и выпито было немало, так что в один прекрасный момент гостям с Кавказа сильно захотелось женской компании. Присутствующие в заведении дамы, как на грех, присоединяться к компании категорически не желали. Кавказцы проявили нехорошую настойчивость, дамы в свою очередь стояли на своем. В воздухе запахло скандалом. В ситуацию вмешался Саша.

– Завязывайте, ребята, – сказал он. – Вы видите, дамы не желают общаться?

В его словах не было ничего провоцирующего конфликт, но кавказцы, разгоряченные вином и женским пренебрежением, отреагировали остро и предложили выйти.

– Ну давайте выйдем, – сказал Саша с усмешкой.

На улице в пылу полемики один из кавказцев всадил Саше нож в живот, и тот умер, не дождавшись «скорой». Так получилось, что эти кавказцы были очень далекими от криминального мира людьми и Сашу в лицо не знали. Последствия же их действий для всех наших городских кавказских сообществ оказались очень серьезные.

Сразу после похорон Саши, на городских рынках произошли натуральные погромы – товар кавказских торговцев крушили, а самих их избивали, разгромили еще и несколько кооперативных кафе, имевших отношение к диаспорам. Дошло до того, что кавказцам опасно стало просто появляться на улице. Руководство милиции, а с ним и партийное руководство делало вид, что ничего особенного не происходит и ситуация под контролем. В каком-то смысле руководство было право – ничего особенного действительно не происходило, а дружба народов потихоньку обострялась на территории всего единого и могучего. Мой приятель и бывший одноклассник Тарик на время обострения дружбы народов от греха подальше поехал на Кавказ – навестить родню. Впрочем, скоро все заглохло само собой.

С Евгением Михайловичем Лисинским (в своих кругах он имел прозвище Лис, причем называли его так не только из-за созвучной фамилии) я познакомился как раз на похоронах Саши Щербатого. Вернее, это он познакомился со мной – представительный мужчина лет пятидесяти, в безупречном костюме, с безупречной же прической, он сам подошел ко мне.

– Здравствуйте, молодой человек! – сказал он церемонно. – Вас ведь Алексей зовут, правильно?

– Все верно, – подтвердил я.

– Евгений Михайлович, – представился он. – Может быть, слышали?

Я действительно слышал о Евгении Михайловиче. Он был одним из старейших в городе «цеховиков» – подпольных производителей всякого ширпотреба. Первопроходец бизнеса. Можно сказать – динозавр. По сравнению с нами, он играл в гораздо более высокой лиге, так что тем для знакомства у нас действительно не было.

– Слышал, – сказал я дипломатично и пожал протянутую руку.

– У вас, если я не ошибаюсь, видеосалон и звукозапись в ДК медработников? – прищурился Евгений Михайлович.

– Все верно, – подтвердил я.

– Молодцы! – похвалил мой новый знакомый. – Такие молодые, а уже при деле! Растет, значит, смена! Вы заходите как-нибудь. У нас клуб небольшой организовался, для своих на «Карла Маркса», знаете?

– Где кафе «Уют»? – спросил я.

Про клуб бывших «цеховиков» и новых кооператоров я слышал, но бывать там не приходилось.

– Оно самое, – подтвердил Евгений Михайлович. – Заходите без всякого стеснения – по средам и субботам в шесть собираемся, текущие дела обсуждаем.

– Зайдем, – пообещал я. Предложение было заманчивым.

– Вот и прекрасно... – Евгений Михайлович протянул мне визитку. – А у вас визитная карточка имеется, молодой человек? Нет? Напрасно! Вещь необходимейшая!

– Не все сразу... – развел я руками. – А вы Сашу тоже знали?

Евгений Михайлович тяжело вздохнул и скорбно покачал головой. Вообще, мне показалось, что он очень любил нарочитую театральность.

– Знал, знал... Ах, Александр, такое горе, такая утрата для всех нас... – сказал он со все-ленской печалью в голосе. И добавил уже нормальным тоном: – Сейчас сбегутся волки добычу делить и начнется такая свистопляска...

На этой не очень оптимистической ноте мы распрощались с Евгением Михайловичем. Похороны были пышными. Сотни человек, куча венков, цветов, приезжие из соседних областей... Саша был человеком известным.

Смерть Щербатого – это было событие, требующее обсуждения. Этим же вечером, после похорон, мы собрались в видеозале – я, Витя, Валерик и наши партнеры по звукозаписи неформалы Петрович и Андрюха.

– Такие вот дела... – сказал я. – Плохо или хорошо, но от шпаны он нас прикрывал. А теперь, чувствуя, понесется по новой.

– Подойди к Магадану или Швиле, – сказал Витя. – А лучше всего – подождать. Свято место пусто не бывает. Пусть они между собой определятся, кто там у них главшпан, к нему и подойдем. Только больше столыника в месяц не давать.

– На кой они вам нужны... – усмехнулся Валерик. – Вон, наши спортсмены, многие после армии без дела маются, кто на заводе, кто вообще грузчиком. Только свистнуть – человек двадцать соберем.

– Спортсмены – это хорошо, – сказал я рассудительно. – Только вот ходить все время за нами они не будут. Не сильно весело получить нож в бок у себя в подъезде. Но я согласен с Витьком, посмотрим, что там жулики между собой решат и уже по результату обратимся. Но есть, пацаны, еще один вопрос важный. Что с бизнесом будем делать, куда двигаться?

– А че делать? – не понял Валерик. – Все работает, бабло капает. Вобщаке бабок еще на пару видиков хватит – можно еще два салона открыть. А вообще, помните, как наш «трудолик» говорил? Работает – не лезь!

Валера говорил правду – в нашей общей кассе скопилось тысяч семь – как раз хватило бы на покупку двух аппаратов средней руки.

– А ты чего думаешь? – спросил я Витю.

Витя пожал плечами.

– Вообще, Валерка правильно говорит. Но мне сейчас, если честно, не до того. Есть у меня новость, все руки не доходили рассказать. Предки у меня уезжать надумали.

– Куда уезжать? – не понял Валерик.

– Из страны уезжать. Насовсем. Батя говорит – будущего тут нет. Может и правильно.

– Куда ехать-то надумали? – спросил я.

– В Америку. Там у матери родня, на первых порах помогут. Такие дела, короче.

Мы помолчали немного.

– Даже в институте не доучишься, – сказал Валерка.

Витя махнул рукой.

– Советский диплом? Да кому он нужен? Так что, мне сейчас не до бизнеса, парни. У меня чемоданные настроения. Сами думайте, чего куда.

А подумать было о чем. Видеосалон и звукозапись были новинкой в восемьдесят седьмом, но в восемьдесят восьмом стали общим местом. В этот бизнес пришло множество людей – в общежитиях, подвалах и даже бомбоубежищах открывались видеосалоны, многие обладатели «видиков» гастролировали по колхозам, собирая аншлаги в сельских клубах. Конечно, неискушенный советский народ массово ломанулся приобщаться к голливудским сокровищам и на первых порах прибыло хватало всем, но я точно знал, что еще два года и этот бизнес закончится. Нужно было придумывать что-то новое. Та же самая история была и со звукозаписью. Несколько новых точек звукозаписи появилось, так что конкуренция уже возникла. А дальше будет только больше, думал я. Сейчас мы выживаем и чего-то зарабатываем только за счет хорошего музыкального ассортимента, да и постоянных клиентов получилось «прибить» – наши партнеры-неформалы реально любили музыку, постоянно расширяли ассортимент и пользовались авторитетом в кругу меломанов.

Учеба моя в институте, тем временем, протекала ни шатко, ни валко. В институте я «отбывал номер», по вечерам пропадая не в библиотеках, а в видеосалоне, как и мои друзья. Сердечных дел ни с кем из одноклассников я не заводил, хотя внимание с их стороны чувствовал, было мне не до любовных историй.

А в институте чувствовался ветер времени. Точнее, пока еще не ветер даже, скорее сквознячок, но сквознячок ощутимый. Некоторые особо продвинутые студенты могли даже потроллить преподавателей «Истории КПСС» какими-нибудь актуальными вопросами, о чем еще пару лет назад и помыслить было невозможно. Повестку обеспечивала советская пресса, которая демократизировалась буквально на глазах – «Огонек» и толстые литературные журналы чуть ли ни каждый месяц выстреливали актуальными вопросами в офигевающий от наступившей гласности народ. Одним словом, учиться, да и принимать участие в любой другой жизни института, у меня не было времени, и тянулась моя учеба только благодаря институтским связям папеньки.

И вот, через неделю после нашего разговора, в котором Витя поведал нам о будущей своей эмиграции, случилось событие историческое для всего начинающего советского бизнеса. Двадцать шестого мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года родная партия и милое сердцу правительство разрешили кооператорам буквально все. Все, что не было запрещено законом. Самое главное – теперь можно было торговать. Покупать, продавать, получать прибыль и пускать ее на развитие, или тратить по своему усмотрению. Интересным фактом было то, что при всей объявленной свободе статью уголовного кодекса, карающую за спекуляцию, никто не отменил.

В тот день, и еще в несколько следующих, все городские рестораны были забиты. Сухой закон как-то сам собой помер, и гулянье шло в лучших купеческих традициях – бизнес радовался и пил шампанское. Мы решили не отставать от старших коллег. В видеосалоне был устроен небольшой сабантуй – полдюжины бутылок шампанского и закуска. Мы, радостные и взволнованные, подняли первый тост за процветание.

– Куй железо, пока Горбачев, – пошутил Витя.

– А ведь интересно, – сказал я, – уже сколько времени в коммерции, а кооператива у нас нет.

– И это правильно, – сказал Витя. – Почитай «Золотого теленка», там все написано. Аппарат съедает бабки. Легальность стоит кучи бабла. А так – нас нет ни для кого, ни для ревизоров, ни для фининспекторов. Это ж мечта! Простые лекторы клуба кинолюбителей, нас вообще здесь нет!

– Но и доступа к настоящим бабкам у нас нет, – констатировал я. – Так, на вино да на конфеты зарабатываем, даже «тачку» до сих пор не купили, коммерсанты хреновы!

– Предложения? – спросил Витя.

– Нужно регистрировать кооператив, – сказал я решительно. – И переходить на другой уровень. Еще один салон беспонтово открывать, их с каждым днем все больше и больше...

– А когда в кино «Кинг-Конг» шел, у нас вообще пусто было, – сказал Валерик. – И «Заклятие Долины Змей» в прошлом месяце во всех киношках крутили, так у нас зал полупустой был.

– А дальше будет хуже, – сказал я, – так что, парни, нужно чего-то думать. Чего-то новое.

– И чего делать будем? – спросил Витя. – Точнее, не будем, а будете. Я-то уеду, скорее всего. Родители по инстанциям бегают. Уеду в цивилизацию, от вас, дикарей.

– Витя, – сказал я, – дело твое, конечно. Но в твоей цивилизации рынок уже сложился. Уже сложился, понимаешь? У них там все хорошо без Вити Пахомова. Не нужен им Витя Пахомов, места для него нет, все занято. И если Витя Пахомов захочет отвоевать себе кусок места под солнцем, то это годы тяжелого и упорного труда. Годы! И то не факт, что получится. Это тебе не джинсами барыжить в Союзе, где на вложенные сто рублей за год пятьсот нарастает. Там тебе за год на сто долларов нарастет максимум десятка, и то ты счастлив будешь, если получится. Ты что, реально не врубаешься, чем формирующийся рынок от сформировавшегося отличается?

– И чем же? – спросил Витя скептически.

– Возможностями. У нас сейчас возможности такие, каких ни у кого на этой планете нет. Рынок пустой, понимаешь? Приходи и торгуй чем хочешь – хоть чебуреками, хоть штанами, хоть автомобилями. Все купят и еще попросят. И участников на рынке – с гулькин хрен.

– Ты ж сам говоришь, что конкуренция, – отбивался Витя. – Вон сколько видеозалов открыли.

– По сути это не конкуренция, Вить, – сказал я. – Реальной конкуренции у нас еще нет и будет нескоро. Видеосалоны – это просто бабки, которые на земле валялись. На земле, понимаешь? И мы не сочли за труд их поднять. Мы и другие такие же. Это же, если хочешь, вообще не бизнес.

– Как – не бизнес? – удивился Валерик.

– Да очень просто! – разошелся я. – Мы ж не придумали вообще ничего! Ни товар, ни услугу, ни процесс. Ты, Вить, когда будешь в Штатах, расскажи им про наш салон – то-то они повеселятся! Скажешь – бизнесом занимался, подпольно демонстрировал ваши фильмы категории В!

– Это тебя на экономическом такому научили? – спросил Витёк ехидно. Кажется, моя горячая речь его задела.

– Так, хорош вам! – сказал Валерик примирительно. – Мы тут собрались отмечать, а не между собой ругаться.

– И то правда, – сказал я. – Все, проехали, забыли, продолжаем праздновать.

Домой мы с Витёком возвращались хмельные и мрачные.

– Ты не злись, – сказал я Витёку, – может тебе на самом деле там лучше будет. Тут времена наступают смутные.

– Да нормально, – махнул рукой Витя.

– Бабки, что в общаке лежат – заберешь, – сказал я. – Там тысяч под восемь, даже один к четырем – две штуки долларов. Пригодится.

– Нет, столько не возьму... – Витёк был благороден и пьян. – Половину возьму. Вам тут тоже пригодится.

– Да брось... – Я тоже был благороден и пьян. – У нас же видик остается и вообще... Без тебя бы этого не было.

- Половину возьму! – с пьяным упорством отвечал Витек. – У нас там все нормально будет. В цивилизацию едем, не пропадем! Но ты мне должен еще, Лёха! Старый долг!
- Какой долг? – не понял я.
- А вот такой! Ты вот не помнишь ни хрена, а я все помню! Когда тебя машина сбила – помнишь?
- Помню. – Я не понимал, куда он клонит.
- И ты там типа память потерял, и изменился, и все такое...
- Ну?
- Я тогда тебя спросил – что происходит? А ты мне сказал, что потом расскажешь, когда-нибудь. И ниче не рассказал. Кинул!
- Я покачал головой.
- Ниче не рассказал, правда. И сейчас не могу.
- И что за хрень была с тем маньяком, откуда ты про него узнал – тоже не расскажешь?
- Не расскажу.
- Ну и иди ты... – обиделся Витёк.
- Да ты не обижайся, – сказал я. – Могу тебе совет дать. Дружеский, по бизнесу. Пригодится там, в твоей Америке.
- Что за совет?
- «Майкрософт», – сказал я. И тут же в голове блеснуло что-то, как милицейская сирена
- не нужно было этого, не нужно...
- Чего-о? – удивился Витёк.
- Компания такая. Высокими технологиями занимается, уже известная, но еще в полную силу не вошла.
- И чего делать? – не понял Витёк.
- Покупать, Вить. Акции брать, на все бабки. На все. Они еще не поперли в гору, но попрут так, что никому не снилось...
- Макро... как? – запнулся Витёк.
- Микрософт. Мелко-мягкий, по-русски.
- Мелкий и мягкий... – сказал Витя задумчиво. – А откуда знаешь?
- Знаю, – просто сказал я. – Но откуда – не спрашивай. Мне здесь от этой информации толку мало, а тебе там пригодится в самый раз.
- Это как с тем маньяком?.. Когда ты просто знал и все?
- Да, – кивнул я. – Просто знаю и все.
- Витёк посмотрел на меня.
- Мы же друзья, да, Лёх?
- Друзья! – категорически подтвердил я.
- Мы же много вместе прошли?
- Много! – подтвердил я.
- А ты думаешь, я туда с легким сердцем поеду?! – заорал вдруг Витёк. – Ты думаешь, мне плевать на все?! Отца посадить могут, вот оно как. Госторговля, если всплывет, то надолго уедет. Он пока отмазался, но в любой момент может опять... И тогда уже...
- Его хоть выпустят? – спросил я.
- Выпустят. Там более высокие сферы, – Витя ткнул пальцем в небо, – заинтересованы, чтобы он уехал. А я родителей не брошу, не могу.
- Все нормально будет, – успокоил я друга.
- Значит, мелкий и мягкий? – спросил он.
- Смотри не перепутай, – пошутил я.
- Мы попрощались и пошли по домам.

Глава 2

Новые веяния не оставили равнодушными и представителей нашего городского партийного аппарата. Через несколько дней после нового закона, у нас в квартире собралось небольшое собрание, замаскированное под фуршет. Из местной знати высокого уровня был Григорий Степанович Бубенцов – первый секретарь горкома, и Николай Николаевич – начальник городской милиции. Все прочие присутствующие были рангом сильно ниже, но все же являлись важными звеньями городского партийно-хозяйственного механизма.

Я, как обычно, очень внимательно слушал, о чем идет речь.

Сначала было радостно. Все присутствующие ликовали от того, что Иван Иванович – первый секретарь обкома партии, усидел на своем месте. За здоровье отсутствующего на фуршете Ивана Ивановича был произнесен отдельный тост, в котором были тщательно перечислены выдающиеся личные и профессиональные качества Ивана Ивановича, его преданность идеалам, честность и иные достоинства. Но когда речь зашла о более высоких сферах, папенька и его гости пригорюнились. Общее настроение было такое – о н сошел с ума. Или, как вариант, продался. Речь шла конечно же о Михаиле Сергеевиче, вместе с супругой. Версию о сумасшествии генсека поддерживал Николай Николаевич, сторонником подкупа выступал товарищ Бубенцов.

– Да на кой черт ему деньги, – морщился главный городской милиционер. – Все и так его! Что ему за эти деньги покупать, птичьего молока, что ли? Так ему Девятое Управление и птичьего молока достанет, если понадобится, бесплатно. Крыша поехала, я вам говорю! Петром Первым себя ощутил.

– Не понимаешь ты, Коля, – мрачно изрекал товарищ Бубенцов. – Они же за границу сбегут, в случае чего, а т а м им деньги еще как понадобятся. Да и то сказать – деньги всегда деньги, хоть ты генсек, хоть кто.

– Это все Райка виновата, – со скорбью сказал кто-то. – Она ему голову дурит!

Вот в этом месте у собравшихся возник всеобщий консенсус! Супругу генерального ненавидели со всем пылом и считали ее корнем всех зол.

– Из телека не вылезит! Еще и мнение свое имеет по каким-то вопросам!

– Да мы раньше не знали никогда, кто там у генсека жена!

– Во французские шмотки разоденется и красуется – звезда!

– Куда там Пугачевой...

– Только народ лишний раз злит! Крутит мужику яйца, а вся страна страдает.

– Сам виноват! Не мужик, а...

Одним словом, генсеку с супругой должно было икаться. Такие разговоры, впрочем, велись едва ли не на каждой кухне.

Что интересно, начальник управления торговли и маменькин приятель Владимир Александрович Герцин фуршет своим вниманием не почтил.

– Герцина гнать пора, – высказался папенька. – Гнать из управления к чертовой матери за развал работы в торговле. Магазины пустые, на полках – шаром покати, а у кооператоров и на рынках – навалом всего. Народ злится, после работы по очередям – пожрать достать...

– Не так просто, Володя, – задумчиво ответил товарищ Бубенцов. – Он с обкомом дружит. И не только... Вот если бы по линии Николая...

– А чего по линии Николая? – вскинулся милиционер. – Герцин с генералом нашим в баньке парится. Я с генералом не парюсь, вы понимаете? Не по чину. А он – запросто! Да и разве ж он один? Там и директор мяскокомбината, и овощебазы и другие...

– А я вам так скажу, – произнес рассудительный голос, – эта должность Герцину уже не сильно и нужна. Миллионер он почти официальный. Три кафе кооперативных у него, какие-то цеха...

– Без должности он ноль, – назидательно сказал товарищ Бубенцов. – Это сейчас он царь и бог, потому что товар может распределять. Отстрани его от должности – чего распределять будет?

– Поглядим... – сказал Николай Николаевич неопределенно. – У нас вроде бы генерала меняют. Вот если новый генерал придет, тогда и Герцина можно будет пощупать... а сейчас – рано.

– Миллионер... – завистливо вздохнул кто-то. – А тут зарплата двести пятьдесят. Сын куртку просит модную, так она как зарплата стоит. Нужно и нам что-то думать, товарищи... Время такое, что зевать нельзя!

Ого, подумал я. Городска номенклатура начинает завидовать нуворишам!

– У меня зять... Младшей дочери муж... Кооператив открывает, – сказал, заговорщицки понизив голос, товарищ Бубенцов.

– А обком в курсе? – спросил папенька.

– А мне плевать – в курсе обком или нет, – зло сказал товарищ Бубенцов. – Пусть только кто-нибудь чего-нибудь вякнет! На всех материала столько, что будут лететь, пердеть и радоваться!

Во как, подумал я. Товарищ Бубенцов вышел на тропу войны!

– Так что, вы думайте, товарищи... – сказал товарищ Бубенцов. – Думайте, пока время есть. А то некоторые вообразили, что наши должности и наша работа – это все навсегда. Так вот, не навсегда. И я вам это не как руководитель говорю. Как старший товарищ говорю! В любой момент может случиться – кого на фабрику, охраной труда заведовать, а кого на пенсию, если срок вышел. А сейчас пока есть возможности. Кредиты дают... – товарищ Бубенцов снова понизил голос. – Можно хорошие деньги взять и процент небольшой.

– Если бы Герцина снять, да кого-то своего поставить, – сказал папенька мечтательно. – Григорий Степанович, может как-то можно рассорить его с обкомом?

– Как только, так сразу, – ответил товарищ Бубенцов. – Но ты, Володя, на это сильно не рассчитывай. Ты думай о том, что под ногами лежит, про синицу в руках.

– Если кооператив открывать, то что делать?.. – вздохнул неизвестный мне участник застолья. – Мы же не коммерсанты...

– А я вам что, мистер Твистер – миллионер? – вспыхнул товарищ Бубенцов. – Думайте. И вообще, «учитесь торговать», помните, кто сказал? Вот то-то! Нет, конечно, колхоз дело добровольное, как говорится. Кого все устраивает, так и хорошо. Только когда все развалится – не обижайтесь.

А у товарища Бубенцова неплохо варит голова, подумал я. Ну или интуиция просто звериная.

– А если кооператив открыть, то чем заниматься? – спросил кто-то.

– Да какая разница... – с досадой ответил товарищ Бубенцов. – Чем хотите. Сами же знаете, что в городе с товарами и услугами – чего ни хватись, ничего нет!

– Давайте выпьем, товарищи, – грустно сказал кто-то. – Выпьем за то, чтобы смутные времена скорей закончились!

Собравшиеся выпили и некоторое время молча закусывали.

– Вы бы лучше, – сказал подобрешший Бубенцов, – у комсомольцев бы учились! Вот где деятельные ребята! Я общаюсь с некоторыми – далеко пойдут! Главное – никаких сомнений. Уже открывают какое-то молодежное кафе с заграничными фильмами, чтобы не по подвалам собирались, а в нормальной обстановке, хозрасчетные спортзалы у них с импортным оборудованием! Молодцы!

Так, подумал я. Еще не легче. Вот оно, начинается, секретари и инструкторы комсомолов опережаются и с идеологических рельсов потихоньку съезжают на коммерческие. С этими ребятами нужно осторожно. Саранча, хуже уголовников. Сожрут с потрохами при случае. Еще и кафе с иностранными фильмами у них! Где вы были год назад, спрашивается? Вещали о тлетворном влиянии западного кинематографа? А теперь вот оно как фишка легла...

– Был у меня директор нашей обувной фабрики, – сказал папенька, – хороший мужик, давно знаю. Говорит, итальянцы приезжали, смотрели производство, сотрудничество предлагали. Их оборудование, наши рабочие и производственные площади. Совместное предприятие. Так он говорит – отказался, лишняя головная боль.

– Ну и дурак, – сказал товарищ Бубенцов. – Нужно же понимать... Все сейчас так складывается, что остановить этот бардак мы не можем. Выходит, нужно как-то встраиваться.

Товарищи согласились, что встраиваться нужно, произнесли тост за присутствующих, выпили, потом снова произнесли тост, снова выпили, закусили и начали расходиться. Расходились задумчивые и почти трезвые, чувствовалась старая партийная закалка и умение не пьянеть.

А я заперся в своей комнате и начал думать, упорно и напряженно. Если бы удалось получить кредит, хотя бы тысяч сто советских рублей! Можно открыть сразу несколько производств, небольших, но дающих постоянную прибыль, купить оборудование, нанять людей. Делать мебель, например. Или шить те же джинсы уже в промышленных масштабах. Но тут же возникает вопрос: даже если мы получим кредит, где брать оборудование, сырье, материалы? Ведь невозможно пойти и просто так купить. Именно тогда ко мне пришло понимание, насколько незначительной и мелкой является вся наша деятельность – мышинная возня, да и только. Настоящий бизнес в то время делался теми, кто мог распределять ресурсы. Это был очень закрытый клуб, состоящий из чиновников и хозяйственников уровня города и области, войти в него было почти невозможно. Да, нам действительно оставалась мелочь вроде видеосалонов и чебуречных. И еще, я очень надеялся на отца. Что он наконец-то поймет – времена меняются и меняются необратимо, переступит через свои представления, устаревающие с каждым днем, и поможет мне в устройстве бизнеса. Может быть, и сам войдет в бизнес. В ближайшие недели я рассчитывал серьезно поговорить с ним на эту тему, тем более, что партийное начальство дало отмашку – можно! Я довольно смутно представлял, чем он конкретно может помочь, о всех его возможностях и связях я мог только догадываться, но они – возможности и связи – без всякого сомнения были.

Но даже нашей мелочью заниматься спокойно не давали. Все началось с того, что в ДК сменился директор. На месте добродушного и сговорчивого алкоголика появился проштравившийся комсомольский вожак, вылетевший из системы за какую-то провинность – неприятный, какой-то липкий парень лет тридцати. Звали его Андрей Иванович.

– Ничего себе... – констатировал он, познакомившись с нашим хозяйством. – А в кассу вы, ребята, сколько платите?

– Пятьдесят рублей, – сказал я твердо и посмотрел в глаза новому директору.

– Пятьдесят в кассу и... все? – потрясенно спросил он.

– И все, – подтвердил я. – Все как договаривались.

– Устно договаривались? – спросил он.

– Устно, – сказал я. И уточнил: – По-джентльменски, Андрей Иванович.

Андрей Иванович скептически хмыкнул.

Через пару дней к нам в клуб заглянул совершенно трезвый Кузьмич и поведал, что возглавляемый им клуб кинолюбителей прекращает свое существование. Потому что. Кузьмич был грустен и тих.

– Этот новый хрен приказал? – спросил Валерка.

Витя в это время в салоне отсутствовал, он вообще редко появлялся, он был весь в хлопотах, связанных с переездом.

– Этот, – мрачно сказал Кузьмич.

– Все понятно, – сказал я.

Дело было плохо. Другое место, конечно, тоже можно было найти и без особых проблем, но... Во-первых, народ уже привык и шел к нам по старой памяти, игнорируя конкурентов, а на новом месте пришлось бы по новой набивать клиентов. А во-вторых... за этот видеосалон мы уже бились с превосходящими силами противника и даже проливали кровь. За него порезали Федю Комара, отлупили Витю, да и мне слегка досталось. И что же, спасовать перед каким-то типком, много о себе возомнившим? Показать слабость? Это было совершенно неприемлемо.

А еще через несколько дней к нам зашел Васильич, бывший на тот момент завхозом.

– Все, ребятки, – сказал он. – Поступила команда вашу филармонию сворачивать. До конца месяца работаете, а там... – Васильич развел руками.

– Ладно, Васильич, – сказал я. – Еще не вечер. До конца месяца может много чего случиться.

– Вы имейте в виду, – понизив голос сказал Васильич, – он хочет вас убрать, чтобы своих запустить. Чтобы кино и музыка так и остались, только без вас. Ферштейн?

– Спасибо за информацию, Васильич, – сказал я. – Ладно, будем думать.

Попытка переговорить с новым директором еще раз ничего не дала.

– Ваша деятельность не по нашему профилю, – объяснил он мне. – Вообще, по правилам, я должен был обратиться в соответствующие органы... Понимаете? Но я этого не сделал. Так что извините, ничем не могу помочь...

– Вы хорошо подумали? – спросил я, улыбаясь.

Новый директор нервно дернул плечами.

Сразу после этого разговора я отправился в исполком к Николаю Петровичу, который помог нам уладить вопрос с руководством ДК в прошлый раз.

На мою просьбу Николай Петрович развел руками.

– Знаю этого козла, знаю, – отозвался он о нашем директоре. – Но, видишь ли, Алексей, какая штука... Приказать я ему не могу. Не имею права. Он лицо хозяйственно самостоятельное. И просить я его не буду. Деятельность ваша, сам понимаешь... слегка за гранью.

– Понимаю, – кивнул я.

– Такие дела, – сочувственно сказал Николай Петрович.

Этим же вечером мы провели экстренное совещание с Валериком.

– Ну, если человек по-хорошему не понимает, – сказал Валерик, – то объясним по-плохому.

– Только без уголовщины, – сказал я напряженно.

В последнее время Валерик сильно полюбил фильм «Крестный отец». Легендарную гангстерскую сагу он пересмотрел, наверное, раз двадцать, а Марлон Брандо и Аль Пачино надолго стали его кумирами, сменив Ван Дамма и Сильвестра Сталлоне. Поэтому я немного беспокоился.

– Крупной уголовщины не будет, пообещал Валерик. – Но без мелкой не обойдемся. Максимум – административка.

– Ну и прекрасно, – сказал я.

– Мы сделаем ему предложение, от которого он не откажется! – пафосно заявил Валерик.

– Не вздумай лошади голову рубить! – в притворной панике воскликнул я.

– Откуда у этого козла лошадь?.. – хмыкнул Валерик. – Мы его и без лошади к порядку приведем.

Следующие два дня стали для Андрея Ивановича богатыми на события. Так, вечером его подстерегли в подъезде двое хулиганов, которые безнаказанно насовали ему по ребрам и

поставили фингал под глазом. На прощание хулиганы велели Андрею Ивановичу подумать над своим поведением и не создавать проблем хорошим людям, в противном случае они могут навещать Андрея Ивановича регулярно, им, хулиганам, это не составит особого труда. Что интересно, на крики Андрея Ивановича о помощи никто из соседей не отреагировал, милицию не вызвал и спасать не кинулся.

Утром, собираясь на работу, Андрей Иванович обнаружил возле своей кофейной «копейки» бутылку с бензином, заткнутую газетой. Рядом с бутылкой лежал полный коробок спичек.

А в разгар рабочего дня в кабинет директора заявила делегация в количестве семи человек, представляющая боксерский клуб.

– Мы к вам с ходатайством, – объявил наш товарищ Серёга, – не закрывайте видеосалон, дорогой товарищ директор. В этом видеосалоне, товарищ директор, работают хорошие ребята, большие друзья нашего клуба. Большие друзья! А у друзей как заведено? Если им плохо, то и нам плохо! А если нам плохо, Андрей Иванович, то вы сами понимаете...

Парни от восемнадцати до двадцати пяти лет, сопровождающие Серёгу и заполнившие почти все пространство директорского кабинета, еле сдерживали смех.

Андрей Иванович имел бледный вид и соглашался со всем сказанным.

А потом мы выстрелили из главного калибра, так сказать, контрольный в голову. Хотя, скорее всего, хватило бы и уже предпринятых действий, но Андрей Иванович сам виноват – разозлил он нас с Валериком сильно.

Короче говоря, я, улучив подходящую минуту, наябедничал папеньке о том, что клуб любителей кино, в котором я не покладая рук тружусь лектором и зарабатываю деньги, закрывает какой-то бюрократ комсомольского происхождения. Реакция папеньки даже превзошла мои ожидания – он пришел в ярость. И тут же, при мне, позвонил кому-то из своих многочисленных знакомых.

– Чем ему клуб кинолюбителей помешал, совсем ошалели?! – грозно спросил папенька у неизвестного мне собеседника.

Собеседник клятвенно обещал разобраться и восстановить справедливость.

– Все будет в порядке, Алексей, – сказал папенька устало. – Работайте.

На следующий день Андрей Иванович на работу не вышел. И на второй день тоже, и вообще никогда. Новый директор так и не был утвержден в должности, кажется, он ушел работать в местную газету.

Предыдущего директора – мирного алкоголика – вернули обратно, а клуб кинолюбителей продолжил свою работу, о чем нам радостно сообщил Кузьмич. Мы праздновали победу – противник был повержен, смогли не только отбиться, но и успешно атаковать.

Глава 3

В среду вечером я отправился в кафе «Уют», на собрание кооператоров – бывших цеховиков, куда меня пригласил на похоронах Саши Щербатого Евгений Михайлович Лисинский. Пошел я туда больше из любопытства – интересно было посмотреть на мастодонтов отечественного бизнеса в естественных условиях.

Кооперативное кафе «Уют» внешне ничем особенным не отличалось от своих государственных собратьев – было в нем не слишком уютно, особых изысков в интерьере не наблюдалось, царил минимализм. Но официанты улыбались, а скатерти на столах были свежие – уже большой прогресс.

Два столика были сдвинуты вместе, за ними сидело человек семь – хорошо одетые мужчины сорока-пятидесяти лет, они выпивали, закусывали и о чем-то спорили. В углу за бутылкой шампанского сидели парень с девушкой, больше посетителей не было.

Я решительно проследовал в сторону компании хорошо одетых мужчин. Евгений Михайлович был там, он сидел во главе стола и сразу узнал меня.

– О! Молодой человек почтил нас своим присутствием, – с добродушной улыбкой сказал он. – Проходите, присаживайтесь безо всякого стеснения! Паша! – обратился он к официанту. – Принеси, будь любезен, молодому человеку прибор. И покушать чего-нибудь! Да вы без церемоний, молодой человек, здесь все свои.

Я вежливо раскланялся и сел за стол.

– Молодой человек практически наш коллега, – объявил присутствующим Евгений Михайлович. – Видеосалон у них, звукозапись в ДК медиков. Звать Алексей, прошу любить и жаловать!

Присутствующие с любопытством разглядывали меня. А я, в свою очередь, наблюдал за ними. Нет, они вовсе не были похожи на карикатурных буржуев из журнала «Крокодил». И даже на не менее карикатурных новых русских, которые появятся через несколько лет. Простые советские дядьки. Все выглядят старше своего возраста. И выглядят так себе, несмотря на пошитые на заказ костюмы. Все какие-то уставшие и замученные. Но – с горящими глазами. Как наркоманы, подумал я с удивлением. Что же, бизнес и есть наркотик своего рода. И эти мужики одни из первых в СССР его попробовали. Говорили обо всем, о политике, о делах, перспективах и проблемах.

Что сразу бросилось в глаза, отношение этих людей к Горбачеву сильно отличалось от отношения партийных чиновников. Оно было более доброжелательным, но скептическим.

– Про новый указ слышали? – довольно спрашивал усатый дядька в полосатом костюме. – Теперь ментам не то что с проверкой, а на территорию к нам нельзя зайти без специального разрешения!

– Давно пора было, – сказал тучный темноволосый мужчина. – Участкового кормлю, так еще и из городского отдела стали заходить – все у вас в порядке? Да у меня все в порядке! А если бы вас не было, так и просто счастье бы наступило! Полста за визит, не меньше.

– Бардак в борделе, – сказал задумчиво Евгений Михайлович. – Милиционеры это все мелочи жизни, Артем. Хуже, когда у человека машину товара забрали на трассе. Или ты товар оплатил, как порядочный, а тебе вместо него – шиш! Вот это обидно.

– Э т о т по телеку выступает, – сказал тучный Артем. – Выступает и выступает... я как телек включаю, так сразу башка болеть начинает. Они там все считают, что можно быть немножко беременной. А нельзя, не бывает такого. Или вы коммунизм свой строите, или нормальное что-то. А так как сейчас – хуже всего. Между небом и землей.

– А у вас, молодежь, как дела? – поинтересовался усатый в полосатом костюме. – Не обижает никто?

– Отбиваемся, – сказал я. – Работать непросто, но можно.

– Все верно говорит, – сказал назидательно Евгений Михайлович. – Работать непросто. Купить, привезти, сохранить, сделать, продать... И вроде бы как все можно, но куда не кинься – ничего нельзя. Правил нету. А без правил – как жить? Товар не оплатили, товар не поставили – мне гоняться за таким негодяем по всему Союзу на старости лет? Или в суд подавать, в наш, народный?

Вопросы эти были риторическими, а мне принесли великолепную отбивную, которой я и занялся, проигнорировав тираду Евгения Михайловича. Вообще, как-то мне не очень понравилось в кафе «Уют». Была в этом собрании состоятельных людей какая-то нарочитость, что-то театральное, ненастоящее. Интуиция подсказывала мне, что настоящее начнется чуть позже, и интуиция меня не подвела. Посетители кафе еще немного поговорили на общие темы, выпили, закусили и засобирались по делам. Засобирался было и я, но Евгений Михайлович громким шепотом попросил меня задержаться, если это не очень затруднит. Не затруднит, чего уж там. Ему что-то определенно было нужно, и мне было интересно выяснить – что именно.

Когда все разошлись, Евгений Михайлович пригласил меня, так сказать, за кулисы – в подсобку. В подсобке, к удивлению моему, было даже уютнее, чем в зале – два удобных кресла, какой-то старинный журнальный столик и две чашки дымящегося кофе на нем.

– У меня к вам небольшое дело, молодой человек, – очень серьезно сказал Евгений Михайлович. – Небольшое, но важное.

– Слушаю вас внимательно, – сказал я.

– Устройте мне встречу с вашим отцом, – сказал Евгений Михайлович и выжидающе посмотрел на меня. – Сможете?

Я задумался немного, а потом сказал:

– Хотелось бы немного больше контекста, Евгений Михайлович.

Он пожал плечами.

– Какой контекст? Мне нужно всего минут десять времени. И чтобы ваш отец меня выслушал. Все, более ничего. За эту услугу я буду очень благодарен. Очень.

– Послушайте, Евгений Михайлович, – развел руками я, – на встречу втемную отец не согласится, это точно. Сначала я должен буду хотя бы в общих чертах ему рассказать, о чем пойдет речь.

Я, впрочем, вовсе не был уверен, что папенька согласится встретиться с бывшим цеховиком, слишком уж из разных миров они были.

– Так что же, вы хотите, чтобы карты на стол? – прищурился на меня Евгений Михайлович.

– Я ж не говорю – весь расклад покажите. Я говорю – хотя бы в общих чертах, чтобы было понятно, о чем речь идет.

Евгений Михайлович задумался.

– Ну хорошо, – сказал он. – Тогда слушайте. Есть такой человек – Валерий Александрович Герцин. Слышали, возможно?

– Слышал, – подтвердил я.

– И этот человек... как бы это сказать покорректнее... очень некрасиво себя ведет в последнее время. Люди недовольны.

Я кивнул, изображая понимание.

– Все сгреб под себя, все схемы людям поломал, – Евгений Михайлович тяжело вздохнул. – Я его с детства знаю, и отца его, покойного Сашу Герца хорошо знал, светлый человек был и мудрый. А вот сын не в него пошел, совсем не в него.

– И? – прервал лирическое отступление я.

– Говорю суть, – сказал Евгений Михайлович. – Свою должность он использует для того, чтобы осложнить людям жизнь. Людям это не нравится, жизнь и так сложная. Люди хотят,

чтобы Валера Герц ушел с должности. Ваш отец, насколько нам известно, Валеру Герца недолюбливает.

– Что есть, то есть, – согласился я. – Но навряд ли он вам...

– Подождите, молодой человек, – вскинул ладонь Евгений Михайлович. – Не спешите. У людей есть на Валеру Герца материал. Хороший и разный материал! Есть документы, фото, магнитофонные записи. И есть ваш отец – партийный работник, который известен людям, как человек принципиальный и честный. Нам нужно, чтобы эта принципиальность включилась. Вы понимаете? Мы готовы предоставить вашему отцу материалы при условии, что он даст им ход. Вот и все.

– И никаких дополнительных условий? – спросил я.

– Абсолютно! – заверил меня Евгений Михайлович. – Даже более того, мы будем вам очень благодарны. Понимаете?

– И вам все равно, кто придет на его место?

Евгений Михайлович хитро улыбнулся.

– Это уже совсем другой расклад, молодой человек.

– Ладно, – сказал я, – сделаю все, что смогу.

На этой оптимистической ноте мы распрощались с Евгением Михайловичем.

Папенька мой в последнее время был задумчив и рассеян. Чаще чем прежде возвращался с работы слегка выпивши. Одним словом, было видно, что переживает он сейчас не лучшие времена.

Я подошел к нему с разговором этим же вечером.

– Ко мне обратился с просьбой один человек, – сказал я. – Ему очень нужно встретиться с тобой. Лично.

– Что за человек? – спросил папенька рассеяно.

– Евгений Михайлович Лисинский! – выпалил я.

Папенька наморщил лоб.

– Лисинский... Лисинский... Не припоминаю. А чего он хочет?

– Он хочет передать какие-то материалы, – сказал я. – Документы о деятельности Валерия Александровича Герцина.

– Герцина? – вскинул брови папенька. – А почему ко мне? Почему не в милицию, не в прокуратуру?

– Бойтся в милицию, – сказал я, – а тебя считает честным человеком. Хочет документам ход дать. А что, разве неправильно считает?

Папенька молчал. Думал долго и сосредоточенно. А потом сказал мне:

– Сын! Я хочу предупредить тебя на будущее. Предупредить, чтобы ты не связывался с этим... с этой грязью! Я скажу тебе прямо – такие вещи могут быть опасны. Очень опасны. У тебя вся жизнь впереди, Алексей. А я-то знаю, как легко все сломать, я видел.

Я слушал пафосную речь отца, молчал и думал о том, что в следующие несколько лет будут сломаны миллионы жизней людей, которые никогда и никуда не лезли, ни в какую грязь, мирно учились и работали, мечтали о лучшем будущем... Но вышло так, как вышло.

Через несколько минут папенька выдохся и замолчал. Самое интересное, что он не сказал ни да и ни нет, вот она, партийная школа – сказать целую речь так, чтобы не сказать ничего.

– Что мне передать человеку? – спросил я.

Папенька сделал недовольное лицо. Нужно было принимать решение, а принимать решения он терпеть не мог.

– Конечно, стоило послать его... в прокуратуру! Или госбезопасность. Но ладно уж. Посмотрим, что у него за документы. В субботу в три часа. Где-нибудь в не слишком людном месте.

– Можете встретиться в нашем клубе, – сказал я.

– Кинолюбителей? – улыбнулся папенька. – А что, давно хотел зайти...

На том и порешили.

Следующий день принес еще неприятных сюрпризов.

Когда я пришел в видеосалон там сидел красный от ярости Витя и улыбающийся Валерик.

– Что случилось? – спросил я, чувствуя недоброе.

– Витька на автовокзале бомбанули, – весело пояснил Валерик. – Нормально поживились пацаны – две кассеты отняли и полтинник бабок. Хотели кроссовки снять, но пожалели, сказали, что и так нормально.

– Сказали, чтобы еще заходил, – злобно сказал Витя. – А что я мог сделать? Подошли впятером, отвели за угол, ножик показали. Драться с ними, что ли?

– А ты чего смеешься, Валер? – не понял я. – Кассеты прокатные, Иваныча. За них бабки отдавать нужно. Считай, что на четыре сотни встряли на ровном месте.

– Я им говорил, что и того знаю и этого знаю – им вообще похрен, – злился Витя. Не, всё, пацаны. Я вот до сегодняшнего дня думал – ехать, не ехать... А сегодня как в голове прояснилось. С легким сердцем поеду.

– Да забей, – сказал Валера. – Сейчас позвоню нашим, поедем на автовокзал, поймаем твоих гопников...

– Вы погодите, – сказал я рассудительно. – Ехать и бить пока никого не нужно. Я съезжу в «Софию», если там Магадан или Швиля, то может помогут.

– Щербатый бы в пять секунд решил вопрос, – сказал Витя мрачно.

Я отправился в ресторан «София». Несмотря на раннее время, народ уже потихоньку собирался, так что свободных мест почти не было. На втором этаже я нашел Андрея Магадана, который был трезв и мрачен. Я поздоровался и в общих чертах обрисовал ситуацию.

– На автовокзале, говоришь... – протянул Магадан. – Да хрен знает. Туда со всего города шпана бомбить ездит. Не шарьтесь там особо без дела.

– Как же так, Андрей? – возмутился я. – Мы же договорились с Сашей еще, что работаем спокойно. Каждый месяц мы помогали чем могли. А теперь нас – так?

– Не могу я тебе помочь, – сказал Магадан мрачно. – У нас тоже положение сложное. Седой освободился, слышал?

– Слышал, – сказал я.

Седой был известным в городе рецидивистом, да еще и старшим братом одного из предводителей «краснознаменной» молодежной банды, с которой у нас тоже были неприятности. Я видел его мельком пару раз здесь же, в «Софии». Это был взрослый мужчина, слегка за сорок, с пышной шапкой черных волос, тонкими чертами лица и тяжелым взглядом. В отличие от покойного Саша Щербатого, он производил впечатление настоящего уголовника. И, конечно, вся городская шпана смотрела на него как на кумира. А положение моих криминальных знакомых, входивших в окружение Щербатого, судя по мрачному виду Магадана, изрядно пошатнулось.

– Ну вот и смотри, – сказал Магадан, – если я начну за вас качать, то те, кто кассеты ваши отнял, по любому на Седого сошлются. Он с вашего брата – кооператоров – разрешил получать от вольного куша. Сколько угодно.

– Ясно, – сказал я. – Ну ладно, тогда мы сами...

– Смотрите... – сказал Магадан безразлично. – А вообще, послушай совета – не лезьте.

– Мы подумаем, – пообещал я.

А вернувшись в видеозал сказал Валерику:

– Собирай своих боксеров на завтра. Поедем на автовокзал, учить ребят хорошим манерам.

– Зашибись! – обрадовался Валерик. – Серёгу по-любому позовем. Игорёху. И еще кого.

– Твоих не мало? – засомневался Витёк. – Их там банда.

– Не бойсь, – рассмеялся Валерка. – Еще я сам буду, четвертый. Да вы с Лёхой. Хоть на шухере постоите!

Дело было, конечно, не только в двух потерянных видеокассетах. Отдать свое означало показать слабость. А времена наступали такие, что показать слабость это прямая дорога к тому, чтобы потерять все.

– И хватит чужим авторитетом прикрываться... – сказал я. – Нужно свой зарабатывать. Ты их хотя бы узнаешь, Витёк?

– Узнаю, – сказал тот мрачно. – С вами по ходу уедешь. Только не в Америку, а значительно севернее.

– Можешь не ходить, – развел руками Валерик. – Мы сами управимся, чего тебе на самом деле рисковать? Рожи нам их опишешь и все.

– Пойду, – сказал Витя и глаза его блеснули.

На следующий день компанию гопников мы поймали довольно быстро, в том самом закутке, куда вчера отвели Витю. Ребята работали – менялись обувью с перепуганным парнем лет шестнадцати, который никак не мог развязать узел на своих фирменных кроссовках, ценой в пару сотен. На сменку он бы получил стоптанные кеды, которые уже стояли тут же.

– Иди, парень, ребятам сейчас будет не до тебя, – сказал Серёга перепуганному парню. Тот с радостью ретировался.

– Ни хрена себе! – изумился один из гопников. – Че за наглость, я не понял? Вы кто такие вообще?

– Он? – спросил Валерик.

– Он, – подтвердил Витя.

– А-а-а... – гопник усмехнулся. – Этот вчерашний лох кентов привел. Че хотели-то?

– Мы не хотели. Мы хотим, – поправил я. – Хотим две кассеты, которые вы вчера забрали, обратно. И бабки тоже.

– Иначе вас отсюда унесут всех, – добавил Валерик.

Нас было шестеро, а этих около десятка, численное преимущество было явно на стороне противника. Не спортсмены, обычные парни, лет семнадцать-восемнадцать, а несколькими и того меньше. Но наверняка у кого-то из них ножи, и решимости пустить их в ход хватит. Однако гопники видели, что настроены мы серьезно и выглядим уверенно. Наша уверенность вызвала неуверенность у них.

– А вы кто такие? – спросил один из них. – Чего-то я никого из вас не знаю ни хрена?

– Короче, мне это надоело, – как-то очень расслабленно сказал Серёга.

И вдруг резко зарядил одному из стоявших ближе всего гопников прямой в челюсть. Тот, к моему удивлению, не отрубился, но просто присел на корточки. Валерик резко и без замаха пробил хук гопнику, на которого указал Витёк. На Валерика налетели сразу двое, но на помощь ему пришел Игорь – здоровенный парень двадцати дух лет. Один из нападавших получил резкий удар в солнечное сплетение и медленно осел у стены, а второй пропустил серьезный удар в корпус и отскочил, держась за ребро.

– Мы по делу разговаривать будем или нет? – поинтересовался Серёга.

Глава 4

– Мы Седого знаем, – выдохнул тот, который держался за ребра. – Хана вам всем, поняли? Всех на пики поставим! – Его полную оптимизма тираду прервал мощный пинок по заднице.

– Да мне похрен, седого или рыжего, – вернуть либо кассеты, либо бабки. Сроку вам два дня. Не придете – все равно поймаем, здесь или в городе. И тогда уже будем по-настоящему с вами разговаривать, не шутя. Вообще оборзели. – Серёга был зол.

– Смотри, чтобы тебя потом не поймали! – заявил кто-то из гопников, но тут же получил увесистый подзатыльник и притих.

– Кому еще не ясно? – грозно спросил Серёга.

Ответом ему было угрюмое молчание.

– Значит так, послезавтра в это же время – здесь. Всем все ясно?

Вновь молчание было ему ответом.

– Ну, я смотрю, вы не поняли ни хрена, – сказал Серёга угрожающе. – Так может нам кого-то из вас с собой взять, в залог? Посидит до послезавтра в подвале, а когда кассеты или бабки принесете – получите своего корефана. Вот тебя, например, возьмем, – Серёга ткнул наугад в одного из гопников.

– А я ниче! Я все понял! – шарахнулся тот.

– Все все поняли?! – Серёга грозно повысил голос.

Гопники промычали что-то угрюмо-утвердительное.

– Ну и все! Пойдемте, парни.

Мы с достоинством удалились.

– Не вернут они ни хрена, – сказал Витя мрачно.

– Дело ж не в этом, – ответил я. – Важно же то, что мы отпор дали, за себя постоять смогли.

– Все в елочку! – весело подтвердил Серёга. – Теперь трижды подумают, прежде чем лезть к кому из вас. Еще и своим расскажут.

– Еще не известно, чем закончится, – сказал Витёк. Он был явно не в настроении.

– Да нахрен, – ругнулся Игорёха. – Если рыпнутся, бошки поотбиваем. И вообще, пусть они теперь думают, чем закончится.

Мы рассчитались с парнями (акция обошлась нам в семьдесят пять рублей) и договорились встретиться завтра.

Валерик с Витей поехали в видеосалон, а я решил пройтись по городу, проветриться и привести мозги в порядок. Я уже большего года в этом времени. Больше года! С одной стороны – как будто вчера пришел в себя на больничной койке, а с другой – ужас, сколько времени прошло и всего случилось... Вокруг грохочут перемены. Фундамент страны трещит и сыпется. Нина Андреева пишет свое пламенное письмо в «Советскую Россию». А Новодворская организует «Демократический союз». Мы уходим из Афганистана. Совсем. Семейная банда захватывает самолет. В Сумгаите погромы – азербайджанцы против армян. И в Ленинграде убивает себя Башлачев. И почему-то стабильно одна-две авиакатастрофы в месяц. С человеческими жертвами, конечно. И ничему этому я, человек будущего, помешать не могу. Историю пришпорили и погнали галопом, события сыплются как из дырявого мешка, и все эпохальные! А газеты сходят с ума. Внезапно получается, что можно говорить о проблемах. И начинают говорить потихоньку – оказывается, у нас есть, например, наркомания. И молодежная преступность. И неформалы. И летающие тарелки со снежным человеком. И что со всем этим делать – непонятно. Газетчики не могут понять – правда ли все можно? Или еще чего-то нельзя? Они проверяют, тычутся в разные темы и никто их не снимает с должности.

Ткань пространства истончается, думаю я. Энтропия нарастает все быстрее и быстрее. Мир сдвигается с места, как у Стивена Кинга в еще не написанной «Темной башне». Навстречу мне идут двое парней, лет по пятнадцать. Дранные джинсы, длинные волосы, металлические браслеты и цепи, на футболках сзади вытравлено «HMR». А вот благообразный дедушка сучает на скамейке с газетой и очень неодобрительно рассматривает металлистов. Один мир прорывается в другой. И вот как раз в это самое время эти люди, принадлежащие к разным мирам, живут на одной территории.

Было ощущение чего-то странного. И еще – ощущение беспредельной свободы. И в то же время – полной безнадеги. А в КВНе, который идет по первой программе ЦТ, шутят. Шутят простенько и безыскусно на тему того, что слуги народа живут лучше хозяев. Народ очень смеется – никогда раньше ничего подобного не было! Вообще, появляется много того, чего раньше никогда не было. Например, издание «Доктора Живаго». Или «Вампиры» Барона Олшеври – наши коллеги-кооператоры, связанные с издательствами, начинают утолять книжный голод населения. Утолить голод стоит недешево – «Вампиры» на рыночных книжных рядах – тридцать рублей. А «Дракула» Брэма Стокера – полтинник. А графини и мушкетеры бессмертного Дюма – тридцать пять. Народ офигевает от ценников, но к новинкам культуры приобщается, вообще – народ готов платить любые деньги за все, непохожее на наше.

У нас в звукозаписи народ требует «Яблоки на снегу» и «Музыка на-а-ас связала». Требует Цоя, звезда популярности которого почти в зените. Народ хочет Корнелюка и даже Добрынина. Наши неформалы тихонько грустят и сетуют на народную серость. «Хэви металл» все еще на гребне волны, но потихоньку поджимается попсой. Наш стабильный заработок – в районе сорока рублей на человека в день. Несметное богатство для школьного учителя, например. А для того же Евгения Михайловича – вообще ни о чем. Я почти ничего не трачу – шмотки есть, а то, что нужно я могу купить раза в два дешевле, чем простой обыватель. Развлечения, которые находятся в шаговой доступности, стоят копейки, а сорить деньгами в сочинских ресторанах меня не тянет.

У меня скопилось больше шести тысяч личных денег. Можно купить два «Запорожца», например. Один для парадных выездов, другой – на каждый день. Или «жигу»-«двойку». Но я не спешу. Да и родители неправильно поймут. Собственный автомобиль у восемнадцатилетнего сына одного из руководителей горкома, в любом случае вызовет вопросы. А вопросов быть не должно.

Через день мы в том же составе поехали на автовокзал. В условленном месте гопников не было.

– Что и требовалось доказать, – сказал Витёк.

– Да и хрен с ними, – махнул рукой Валерка. – Главное, что жути на них нагнали. Теперь не полезут, сто процентов. Жаль только, что мало им вломили позавчера.

Откуда-то появился шкет лет двенадцати – мелкий, но нахальный.

– Э, пацаны, – обратился он к нам, – вы пацанов ищите?

– Ищем, – сказал Валерик, – а они че, тебя прислали?

– Меня, – подтвердил шкет. – Сказали передать вам, чтобы приходили в пятницу на Дружбу, на центральный вход к восьми вечера. Сказали, что будут с вами разбираться.

– Ну все, кабздец им теперь! – взъярился Серёга. – Кого из них здесь или в городе поймем, в землю воткнем!

Мои спутники были сильно раздражены – было жаль двух кассет, да и наказание гопников было не по заслугам.

– Ладно, пойдем, раз такое дело, – сказал я.

На улице мы бегло обсудили ситуацию.

– Ага, в пятницу на Дружбу, разбежались! Стратеги, мать их! – выругался Валерик. – Там же дискотека. Шпаны соберется человек сто, не меньше. Мы, даже если всех соберем, не потянем. Да и стоит ли оно?

– Ясен пень, не стоит, – подтвердил я. – Ладно, парни, вы идите по своим делам, а мне сейчас в видеосалон надо.

– Сейчас? – удивился Валерик. – Так до сеанса куча времени еще.

– Есть дело, – сказал я. – Потом расскажу.

Дело действительно было, и важное. Мой папенька встречался с Евгением Михайловичем Лисинским. Это неординарное событие должно было состояться в нашем видеосалоне, куда я и отправился.

Папенька прибыл первым – на служебной «Волге». Я встретил его у центрального входа в ДК и по коридорам и лабиринтам провел его в наш видеозал. Евгений Михайлович прибыл чуть позже и вошел через черный ход.

– Мне выйти? – спросил я папеньку. Тот покачал головой.

– Лучше побудь здесь. Я так понимаю, что беседа долго не затянется.

Я согласно кивнул.

Вошедший Евгений Михайлович вид имел торжественный, можно сказать – праздничный.

– Здравствуйте, Владимир Иванович! Здравствуйте, Алексей! – вежливо поздоровался он.

Папенька довольно холодно кивнул. Похоже, что Евгений Михайлович был ему неприятен.

– Я благодарю вас, что согласились уделить мне несколько минут. Собственно, Алексей, наверное, ввел вас в курс дела?

– Да, – сказал папенька.

Что-то он излишне лаконичен, подумал я.

– Тогда перехожу сразу к сути, – заторопился Евгений Михайлович. – Вот...

Он достал из кейса объемную папку и протянул папеньке.

– Здесь все. Бумаги, фото, магнитофонные записи. Будете проверять?

Папенька молча развязал папку, вытянул наугад какую-то бумагу и бегло пробежал ее.

– Да... – сказал он после некоторой паузы. – Алексей передал мне, что вы хотите дать законный ход этим материалам. Это так?

Евгений Михайлович развел руками.

– Законный или еще какой, – сказал он вкрадчиво, – нам важно, чтобы наш общий знакомый перестал занимать то положение, которое занимает сейчас. Мы не требуем крови Валеры Герца. Если он уйдет по собственному желанию, то на здоровье, как говорится.

– Почему же вы сами его об этом не попросите? – спросил папенька. – Например, продемонстрировав ему что-нибудь из этого... – он кивнул на папку.

– Где уж, куда уж... – притворно вздохнул Евгений Михайлович. – Если бы мы что-то такое попробовали бы, то, уверяю вас, Валера Герц попробовал бы сделать так, чтобы у нас ничего не вышло. А человек это очень нечистоплотный и в методах неразборчив...

– Я думаю, – сказал папенька, глядя в пол, – что вы преувеличиваете возможную опасность. Впрочем, это не имеет значения. Я могу твердо пообещать вам, что эти материалы будут использованы. Естественно, результат я вам гарантировать не могу. Вы меня понимаете?

– Вполне понимаю, – отозвался Евгений Михайлович. – У нас, дорогой Владимир Иванович, других вариантов нет. Если и вы не сможете, то... ну что же... – Евгений Михайлович развел руками.

– Я полагаю, что мы друг друга поняли, – сказал папенька.

Евгений Михайлович поспешил откланяться и покинул видеозал.

– Завтра с утра жду вас в нашем клубе, – сказал он мне шепотом, прощаясь. Я кивнул – буду.

– Мда... – сказал папенька и вытер носовым платком вспотевший лоб. – Вот, значит, какие дела... Ладно, Алексей. Пойду я. Дома увидимся.

Судьба всемогущего Валерия Александровича Герцина была решена этим же вечером. Папенька сделал несколько звонков и домой к нам в течение получаса нагрянули городской прокурор, начальник городской милиции, неизвестный мне человек из обкома и собственной персоной Валерий Александрович Герцин.

Джентльмены собрались в папенькином кабинете, пили кофе и изучали полученные материалы.

– Что же ты, Валера, жадный такой? – удивлялся городской прокурор. – Ну право, куда столько? И доллары... Бежать, что ли, собрался за границу? Или думаешь, что американцы нас завоюют?

– В общем, тут каждая бумажка – уголовное дело, – резюмировал Николай Николаевич, начальник городской милиции. – А по совокупности... я даже говорить не хочу.

– Стенка! – отрезал прокурор. – По совокупности светит стенка. И не та, что у тебя в мебельном, Валера. Другая.

– Ты понимаешь, как всех подставил? – мрачно говорил обкомовец. – Ты скажи спасибо Владимиру Ивановичу, что он не стал горячку пороть, а собрал нас всех, чтобы по-товарищески посоветоваться. Если бы он чуть иначе поступил, то Леня бы уже на тебя ордер выписывал. Так, Леня?

– Еще бы не так! – согласился прокурор. – И с удовольствием бы выписал. Крыса ты, Валера. Жадный и глупый. Может и правда закрыть тебя? Посидишь на баланде, подумаешь над своим поведением.

– Ну как же, товарищи, – лепетал Герцин. – Я же всегда все по первой просьбе... Никому ни в чем отказа... Как же...

– Ты, Валера, про эти крохи лучше не упоминай, – сказал прокурор раздраженно. – Ты лучше нас не зли.

– Ты же понимаешь, что если туда попадешь, то... – многозначительно сказал Николай Николаевич. – В камерах душно, накурено, а у тебя же астма, вроде?

– Астма... – выдавил Герцин.

– Ну вот, – сказал Николай Николаевич, – можно просто заснуть и не проснуться.

– Что же ты, мать твою, – злобно говорил обкомовец, – за болван такой? Что вы за люди?! Третий ты на моей памяти, все начинаете хапать, как в последний день. А на тебя виды были, Валера, серьезные виды. Всех подвел! Столько лет воруете, концы прятать в воду не научились! Но это все лирика. Что делать будем, товарищи?

– А что делать, – пожал плечами прокурор, – о материалах минимум несколько человек знают, кроме нас. Так что, сжечь в камине мы это все, конечно, можем. Но это бессмысленно. Всплывет снова и неизвестно с какой стороны. Так что, решение одно – по собственному. И я считаю, больше мы ничего сделать не можем. Это предел.

– По собственному... – сказал Николай Николаевич.

– Согласен, – подтвердил обкомовец. – Завтра чтобы к восьми ноль-ноль был у нас. С заявлением.

Потом наступила небольшая пауза, шуршали бумагами и чего-то шептали.

– Вот это внесешь Лене, – сказал обкомовец. – Штраф. Тоже завтра, Леня пришлет человека, передашь. И благодари бога, что легко отделался.

– Вместо стенки – легкий штраф и переход на другую работу, – сказал прокурор. – Это ж как подарок!

– Считай, второй раз родился, – подтвердил Николай Николаевич. – У тебя там кооперативы, вроде бы? Вот и иди в частную лавочку, самое место. А самое лучшее, Валера, закрыть тебе все дела и уезжать. Сложно тебе теперь будет здесь работать. Сам же понимаешь?

– Хорошо, что в чужие руки не попало, – еще раз сказал обкомовец. – Владимир Иванович, вам благодарность от нас всех, сами понимаете. Я доложу Ивану Ивановичу об обстоятельствах дела.

– Как же иначе? – сказал папенька. – Одно же дело делаем.

– Ну все, – объявил обкомовец, – Пора, товарищи, по домам. День был тяжелый... Непростой!

Товарищи разошлись, а отец вызвал на ковер меня.

– Ты, Алексей, чтобы о случившемся никому ни слова. Понимаешь? И этот Лисинский... Ему доверять нельзя. Так что, ничего не было. Понял?

– Понял, – подтвердил я.

– Вот и прекрасно, – подобрел папенька. – Лучше держаться подальше от этого всего.

На следующий день с утра я поспешил в кафе «Уют», где договорился встретиться с Евгением Михайловичем. Он был на месте – сияющий и торжествующий, похоже, что уже все знал.

– Огромное вам спасибо, Алексей! – сказал он. – Вы с вашим отцом не только нам, вы всему городу услугу оказали. Может теперь хоть иногда мясо будет не только на рынке и в чебуречных, но и на прилавках магазинов!

– Вы уже все знаете? – спросил я.

– Кое-что знаю, – Евгений Михайлович подмигнул мне, – а кое о чем догадываюсь. Но вообще знаю, что все хорошо закончилось. Для всех хорошо. И, как я говорил, наша благодарность будет велика. Начнем вот с этого. – Евгений Михайлович придвинул ко мне перехваченный резинкой газетный сверток.

– Что это? – спросил я, хотя догадывался, что там внутри.

– Берите, молодой человек, – сказал ласково Евгений Михайлович, – это вам лично. За оказанную услугу. Ни в коем случае не вашему отцу. Я же все понимаю! Лично вам.

Конечно, я боялся подставы, но искушение было слишком велико. Я засунул газетный сверток в сумку – будь что будет!

– И правильно! – похвалил меня Лисинский. – Но вы не подумайте, что это все. Нет! Я еще рассчитываю с вами вести дела. Вы же не хотите удовлетвориться одним видеосалоном, не правда ли?

– Мы думали расширяться, – признался я.

– Самое время! – назидательно сказал Евгений Михайлович. – И мы еще об этом поговорим. А сейчас, я прошу меня извинить. Дела!

Мы тепло попрощались, довольные друг другом, и я отправился в видеосалон. Там я развернул газетную упаковку. Две пачки сторублевков, по пять тысяч рублей каждая. Десять тысяч. Признаться, я был впечатлен. Это было едва ли не больше, чем я заработал за год. Полученные деньги окрыляли и приятно возбуждали. Вот теперь можно было купить машину, и не какой-нибудь «Москвич», а что-нибудь нормальное. На себя можно не оформлять, откроем кооператив, оформим как кооперативное имущество. Но точил и червячок сомнения. Лисинский – хищник. Самый натуральный. Акула, которая сожрет и не заметит. Я, конечно, ему был полезен, но... это было сегодня. Завтра все может быть совершенно иначе.

Глава 5

Я пока не знал, что делать с полученными деньгами и просто положил их в коробку из-под обуви, к остальным. Все равно, большинство интересующих меня вещей еще не изобрели. Каких-то особо ценных идей в голову не приходило, а связываться с малоодоходной и хлопотной мелочевкой типа производства сладкой ваты не хотелось.

Когда я пришел в видеозал, там уже был Валерик, у которого, судя по горящим глазам и возбужденному виду, явно что-то случилось.

– Рассказывай уже... – сказал я.

– Короче, – сказал Валерик, – я тут разговаривал с пацанами, Антон и Пашка, у них видеосалоны на Пушкина и на Красноармейской. Знаешь таких?

– Шапочно знаю, – пожал плечами я. – И че рассказывают?

– Говорят, к ним приходили какие-то хмыри, от Седого. И сказали, чтобы с каждого салона по четыреста рублей платить. В месяц, прикинь! Вы, типа, по две штуки гребете, а пацаны голодные ходят. Рэкет! Слышал такое?

– Слышал... – усмехнулся я.

Слово «рэкет» только-только входило в обиход с легкой руки журналистов из «Крокодила», впервые в советской прессе обстоятельно и с подробностями написавших цикл статей о днепропетровских рэкетирах. Явление это только-только зарождалось, а представители его были очень голодными, жадными и скорыми на расправу. Само собой разумеется, что ни о каких «крышах» и речи быть не могло, что-то такое существовало на Кавказе, где тамошние теневые воротилы кооперировались с жуликами, примерно, как мы на старте своей карьеры с Сашей Щербатым. Но Саша, строго говоря, не был нашей «крышей». Уверен, что он бы оскорбился, если бы мы что-то подобное предложили. Мы просто давали ему небольшие суммы более-менее регулярно, и получали право обратиться по таким же «небольшим» вопросам. И вот, появились новые люди, которые требуют у коммерсантов деньги, но не за защиту, а за то, что сами их не тронут.

– Значит и к нам со дня на день придут, – сказал Валерик.

– Четыреста рублей... – сказал я задумчиво. – Деньги немалые. Ну и что, Антон с Пашкой собираются платить?

– А куда деваться, – нервно сказал Валерик. – Те жути нагнали – убьем, зарежем. Антон сунулся в ментовку, а те в лицо смеются – состава преступления нет, убьют, тогда и придете. Говорят, что если за разговоры сажать, то полгорода сажать нужно. Никаких нар не хватит.

– Ну это да, – согласился я. – Сотрудники правоохранительных органов, Валер, нашего брата недолюбливают. А чего, имеют основания.

– Так что делать будем? – спросил Валерик. – Сегодня их, завтра нас. Рано или поздно все равно придут. Скорее рано.

– Решать проблемы по мере их поступления, – сказал я. – Или у тебя конкретные предложения есть?

– Есть! – сказал Валерик и встал в боксерскую стойку. – Нужно идти в субботу и разбираться с той шпаной, что у Витька кассеты отняла. Они ж на Седого ссылались, помнишь? Что типа знают его. Вот если вывезем эту тему, покажем, что сила у нас есть, то никто не сунется никогда – сто процентов! А если так спустим, то решат, что мы заднюю дали и тогда... сам понимаешь.

– Гонишь, Валера, – я был настроен скептически. – На Дружбу идти? Их там выскочит человек двести. Всего вашего клуба боксерского не хватит, вместе с тренером.

– Управимся, – сказал Валерка загадочно. – Вот, гляди.

Он вытащил из пакета бумажный сверток и развернул. Ну конечно! Пистолет! «Макаров», прекрасно.

– Где взял? – быстро спросил я.

Валерка довольно усмехнулся.

– Знакомый один подогнал. И еще две обоймы! И недорого – три сотни. А вещь нужная!

– Нужная... – сказал я с досадой. – Ты, Валер, решил кого-то из шпаны замочить и на срок устроиться? Лично меня такое не устраивает. Вот совсем.

– Да кого там мочить! – громко зашептал Валерик. – Просто ствол покажем, они и обосрут. А лучше всего шмальнуть в воздух! Так сразу поймут, чего можно, а чего нет.

– А если менты приедут? Это ж все равно статья.

Валерик засмеялся.

– Менты? На Дружбу? Ты там когда был в последний раз?

– Никогда не был, – отрезал я. – И не стремлюсь.

– Так я тебе скажу, что туда менты даже по вызову едут полчаса минимум. Чтобы приехать, когда уже закончилось все.

– Подъехать на такси... – сказал я задумчиво. – Подойти ко входу. Может их там и не будет никого. Если будут, то сначала поговорить. Если говорить не захотят, то...

– Да уделаем мы их сто пудов! – развеселился Валерик. – Вообще, с этой штукой, – он кивнул на пистолет, – себя в два раза сильнее чувствуешь. Офигенные ощущения! Мы ж стволы только в боевиках видели.

– Хорошо, что у твоего знакомого танка не оказалось по сходной цене, – пошутил я. – А ствол у кого будет? Ты вообще стрелял когда-то?

– Из «мелкашки»... – вздохнул Валерик. – И один раз на полигоне из «калаша», на НВП, помнишь?

Я не помнил никакого НВП, в те прекрасные времена меня еще не было в этом удивительном времени, но честно сказал:

– Помню. У меня та же самая хрень. Так кто шмалять будет в случае чего?

– Серёга, – сказал Валерик. – А че? Духа у него сто пудов хватит, он после армии, с «макаром» сможет управиться без проблем.

– Ладно, – сказал я, – пусть будет Серёга. Вообще, я думаю, что его нужно как-то привлекать в движение. Витёк все равно уезжает, вдвоем трудно. «Металлисты» наши, сам понимаешь, не бойцы. А Серёга вроде нормальный парень.

– Тоже об этом думал, – сказал Валерик. – Нужно его подтягивать, парень нормальный, рассчитывать на него можно.

Меня все же терзали смутные сомнения. Дома в коробке из-под обуви денег на две машины. В перспективе – интересные и денежные дела с Евгением Михайловичем. И лезть в конфликт со шпаной, с непредсказуемыми последствиями? Нахрена волку жилетка, спрашивается?

– Валер, – сказал я, – может быть мы скоро на нормальные бабки выйдем. Можно будет вообще побоку все эти видеосалоны и звукозаписи. А мы сейчас лезем в эти дела... Оно нам на самом деле надо?

Валерик посерьезнел.

– А ты чего думаешь, что когда мы на нормальные бабки выйдем, то нам работать спокойно дадут? Нет, Лёха. Если мы даже в видеосалоне отбиться не сможем, то большие бабки тем более не удержим. Вообще, как себя поставим, так и будет. И я считаю, что нужно ставить жестко. Сожрут же, сам видишь, что делается.

Да, я видел, что делалось вокруг. Формально девяностые еще не наступили, но фактически они бушевали во всю. Большим откровением для меня стал просмотренный дома от нечего делать советский фильм – рязановский «Гараж». В нем простые советские люди, интел-

лигентны, а некоторые даже с научными степенями, буквально топчут друг друга за право поставить свою машину в металлическую коробочку. Этот фильм я почему-то не видел раньше, и смотрел его не как комедию, совсем нет... От отдельных сцен буквально продирает мороз по коже – вот же оно, через несколько лет ровно эти же люди будут топтать, рвать, сжигать и расстреливать друг друга из-за квартир, коммерческих киосков и заводов. Вот же они, девяностые, в рязановской комедии, которая страшнее «Бумера», если вдуматься... Так что, да. Валерка прав, сожрут, если проявим слабость.

– Согласен, – сказал я. – Тогда давай так – бери своих боксеров, сколько соберешь и поедem с утра на автовокзал. Может там эти гопники нарисуются. А уже вечером со стволом двинем на Дружбу.

– Сделаем, – сказал довольный Валерик. – Пусть знают, что их никто не боится ни хрена!

– Только не покалечьте никого, – сказал я, – а то ваши боксеры, они и без ствола могут отправить в травмпункт, если не хуже...

– Будем бить сильно, но аккуратно, – заверил меня Валерик. – Пацанам сколько бабок предложить, Лёха? Столько же, как в прошлый раз?

– Давай по столько же, – сказал я.

– Пацаны рады, – улыбнулся Валерка, – говорят – на тренировках все время бесплатно рожи друг другу бьем. А тут бабки просто так. А ты, Лёха, как? С нами поедешь на Дружбу? Или нет?

– С вами, – сказал я твердо. – Если нас все же повяжут, то лучше, если со мной. Сам понимаешь. Главное, не замочить никого.

– Да нахрен! За что нас вязать? – возмутился Валерик. – Менты нам вообще должны, как земля колхозу. Мы им этого психа отловили, просто в подарок! Помнишь, сколько газеты писали – «Доблестная милиция поймала маньяка!». А теперь хулиганов гоняем! Нам благодарность объявить должны!

Я помнил. Действительно, газеты трубили на все лады о том, как лихо органы задержали маньяка, который терроризировал город.

– Обязательно объявят, по комсомольской линии, – улыбнулся я. – В общем, все решили, будем делать.

Определившись, мы начали готовиться к сеансу – народ уже подходил. В этот день у нас были новинки – «Кровавый спорт» и «Крепкий орешек». Хорошие фильмы, сам я пересмотрел их с удовольствием.

Операция на автовокзале увенчалась успехом. Отправились мы туда ближе к обеду, впятером. В группу быстрого реагирования кроме меня и Валерика вошли боксеры Серёга, Игорь и еще один парень, имени которого я не запомнил.

И опять мы предотвратили гоп-стоп. Наши хорошие знакомые-гопники вшестером поймали двух пацанов, лет по пятнадцать, у которых уже успели отобрать деньги и часы. Все в том же укромном закутке, рядом с табачным киоском.

– Оба-на, какие люди в Голливуде! – обрадовался Серёга. – Я ж вам говорил, что если снова поймаем – плохо будет. Я бью два раза – один в рыло, а другой по крышке гроба! Вы чего не пришли, как договорено было?

– Менты повязали, – дерзко ответил один из гопников. – За ментовской запал спроса не бывает. А вы че сейчас пришли? Вам же сказали, к восьми на Дружбе.

– Туда мы успеем, – ласково сказал Игорь. – Мы сейчас с вами решим вопрос. Вы ребятам отдайте, чего отняли и отпустите с миром, нам лишние уши не нужны.

– А-а-а! Суки! Перемочу всех! – какой-то невзрачный паренек лет шестнадцати выхватил из кармана линялых джинсов складной нож и кинулся на Игоря. И тут началось...

Я уже замечал, что в таких ситуациях мое «внутреннее время» замедляется, а восприятие обостряется. Я с удивлением вижу, как спокойно Игорёха сначала уходит в сторону от удара,

а затем перехватывает руку с ножом и резко дергает. Нож падает на бетонные плиты. Парень тоже падает, он кричит от боли. Похоже, что Игорёха действительно не шутит. Двое кидаются помогать павшему товарищу, но одного из них останавливает Валерик сокрушительным ударом в челюсть. Чистый нокаут. Второго Серёга, вставший в боксерскую стойку, неожиданно бьет ногой по коленной чашечке. Это больно. Парень вопит и громко матерится.

– Что за привычка, сразу за железки хвататься? – с досадой говорит Валерик. И трогает носком кроссовки нокаутированного: – Э! Ты живой там вообще?

Нокаутированный что-то жалобно стонет.

– Живее всех живых, – говорю я.

Сам я участия в потасовке не принимаю, имеющихся сил более, чем достаточно.

Тем времени, третий боксер, имени которого я не запомнил, храбро сражается сразу с двумя гопниками, и похоже, что ему как раз достались лучшие бойцы. Они успевают обменяться несколькими ударами, от которых нет большого ущерба, и Валерик с Серёгой спешат на помощь товарищу. Гопники видят, что противник имеет численное преимущество и настроен очень решительно. Они принимают единственно верно решение – бежать с поля боя.

– Быстро бегают, – с удивлением констатирует Игорёха, – легкоатлеты, что ли? Ты не знаешь? – спрашивает он мелкого гопника, которого сам и держит, заломив руку. Тот стонет от боли.

– Больно, что ли? – с удивлением спрашивает Игорёха. – Ничего, сейчас отпущу.

Получивший свободу парень держится за правое плечо. Ему действительно больно, настолько, что слезы выступают на глазах. Он очень зол, от боли и от того, что у него слезы на глазах.

– Кранты вам сегодня вечером на Дружке! – объявляет он.

– Ладно, ладно, – говорит Валерик. – Не говори гоп раньше времени.

– И вообще, – говорит Игорь очень серьезно, – чтобы духу вашего здесь больше не было. Вот спецом будем приезжать и проверять. И если увидим кого – убьем. Сам запомни и своим передай.

Поверженный Валериком гопник снова стонет. И даже чего-то тихонько матерится.

– Оживает! – радуется Валерик. – А то я уже заволновался. Дружище, ты не лежи здесь! Менты засекут – примут, в вытрезвитель повезут. Оно тебе надо?

– Ладно, парни, на сегодня здесь закончили, – говорит Серёга удовлетворенно. Мы с гордым видом победителей покидаем территорию автовокзала. На выходе нас задумчиво разглядывает милиционер.

– А чего... Мне нравится такая житуха, – сказал Серёга, когда мы пытались поймать такси. – Мы ж реальную пользу приносим! От этих балбесов малолетних прохода нет. Вот увидите, на автовокзале больше никого не будут грабить, шороху мы навели порядочно.

– Да, удачно все вышло, – подтвердил Валерик. – Сейчас бы еще на Дружке разобраться, так цены бы нам не было.

– Разберемся! – пафосно заявил Серёга. Кажется, эта небольшая победа воодушевила всех.

Дискотека в парке Дружки была давно и хорошо известна и пользовалась дурной славой. Вся шпана с окрестных кварталов собиралась там поплясать, снять девчонок, подраться, выпить и курнуть. Одним словом, место было веселое и опасное, массовые драки в двадцать-тридцать участников происходили два-три раза в месяц, а драки мелкие никто и не считал. Милиция, и та приезжала на вызовы в Дружку не слишком охотно, с большим опозданием, когда основное действие уже заканчивалось. Часто туда приезжали из центра или юго-западных городских окраин, отомстить за кого-то из своих, несправедливо обиженных. И тогда битвы происходили воистину эпические!

– Мы туда после тренировок ходили, – мечтательно вспомнил Игорь, – еще до армии. Ну типа как зачет сдать. Ушел на своих – значит нормально, сдал. Ну а если унесли, то на пересдачу.

– Было дело, – подтвердил Серёга. – Вот и сегодня съездим, молодость вспомним!

Я слегка волновался. Пистолет был у Серёги, которому мы уже твердо обещали место в будущем кооперативе. Так что, он был доволен и просто рвался в бой. А вот мне было слегка не по себе.

Мы разъехались – боксеры, получив вознаграждение, отправились по своим делам, а я и Валерик вернулись в видеозал.

Там нас ждал Витя.

– Все, – сказал он, – в следующую среду едем. Бате все бумаги одобрили, билет на руках, вызов тоже. Уже чемоданы собрали. Едем. Вот, пришел проставиться. – Витя кивнул на подоконник. Там стояла бутылка шампанского и пакет с какой-то закуской.

– Ну ты даешь, Виктор! – рассмеялся Валерик. – У нас даже посуды нет, из чего пить будем!

Витя многозначительно шмыгнул носом и достал из пакета три стакана.

– Во, нормально! – удивился Валерик. – В самый раз сейчас по бокалу принять, а то мы все утро за твоими обидчиками гоняемся!

– Поймали? – без особого интереса спросил Витёк.

– Некоторых, – не стал вдаваться в детали Валерик.

– Я вот вам что хочу сказать, парни, – с грустью в голосе произнес Витя, – вы аккуратнее здесь. Если за бабки башку подставлять, то ну его нахрен, не стоит оно того! В общем, давайте за то, чтобы у вас все здесь благополучно срослось!

Шампанское полилось в граненые стаканы, из пакета появились бананы (зеленые и безвкусные), сыр и порезанная колбаса. Мы чокнулись.

– Давай, Витёк! – сказал я растроганно. – Чтобы и у тебя все сложилось там в Америке. Не забывай старый своих корешей!

– Осваивайся там за полгодика, – подхватил Валерик, – а потом мы с тобой такой совместный бизнес замутим!

И снова было шампанское, и еще тост, но Витя все равно был мрачен, не брало его сегодня шампанское, ничего не брало. Он категорически отказался от своей доли, заявил, что, дескать, вам здесь нужнее, а у них и так все нормально, и вообще, по американским меркам это копейки, ни о чем.

Мы быстро прикончили бутылку, и Витёк засобирился, сказал, что дела и что увидимся еще. Засобирились и мы. У нас тоже были дела.

Глава 6

В парк Дружбы мы приехали, как и было запланировано – к восьми вечера, в том же составе, как были на автовокзале утром. Таксиста оставили ждать у трамвайной остановки, неподалеку, а сами направились в сторону парка.

В Дружбе былолюдно и шумно – здесь собиралась вся окрестная не очень благополучная молодежь. На танцплощадке гремел «Блю систем» и толпа парней и девушек, от пятнадцати и выше, танцевали. Почему-то все танцующие, кроме сильно пьяных, имели очень серьезный, напряженный и сосредоточенный вид, словно были заняты каким-то важным и ответственным делом, никакой расслабухой и близко не пахло. Те, кто не принимал участия в танцах, компаниями разбрелись по парку – общались, курили, выпивали, били кому-то физиономии, без особого фанатизма, скорее потому, что так положено. Само собой, никаких дружинников и, тем более, милиции в пределах прямой видимости не наблюдалось.

– Ну чего, восемь вечера, что-то я не вижу никого, – сказал Серега, когда мы остановились у входа в парк, где и была назначена встреча. Вид у него был скучающий, кажется, что он совсем не беспокоился. Чего не скажешь обо мне. Адреналин зашкаливал и норовил политься изо всех отверстий. Мы в меньшинстве на условной вражеской территории.

– Короче, ждем десять минут и валим, – сказал Валерик. – А потом этих чертей поймать где-нибудь, еще и за балаболство накажем.

Лично я бы предпочел, чтобы встреча высоких сторон не состоялась, и мы отправились бы по домам. Потому что если действительно выскочит разгоряченная водкой и жаждой крови толпа молодых пацанов... «ПМ», который у Сереги сейчас за поясом по рубашкой, может и не спасти. Моим надеждам, впрочем, сбыться было не суждено. Нас заметили. Пацан лет пятнадцати рассмотрел нас и метнулся вглубь парка. И вот уже к нам идет развеселая ватага, человек в двадцать. Многие из них, конечно, сильно выпивши, но на ногах держатся.

– Че, пришли?! – выкрикнул кто-то из толпы, очевидно из бывших сегодня утром на автовокзале. – Ну все, щас будем убивать!

– Ты сначала отдай, что должен, а потом убивай, – спокойно сказал Валерик.

Толпа стояла перед нами. Злая, потная, дышащая водочными и табачными парами. Зато в Советском Союзе преступность была меньше, пронеслось у меня в голове. Сейчас эта преступность, маленькая, нам и навешает. Но толпа почему-то не нападала. Скорее всего, мы просто разрушили их стереотипы, явившись в абсолютном меньшинстве и разговаривая при этом с позиции силы. Похоже, мы вели себе неправильно, совершенно не так, как полагается в подобных ситуациях. И толпа растерялась. Даже не то чтобы растерялась, скорее – слегка зависла.

Из толпы вышел парень лет двадцати, в полосатых штанах и цветастой рубашке.

– Че ты гонишь? Кто тебе должен? – с вызовом обратился он к Валерику.

– Те, кто здесь на восемь с нами встретиться добазарились, – сказал Серега. – Должны две кассеты к видаку. Ну или четыреста колов, как вариант. А ты чего, дружище, за них рассчитаться, что ли, хочешь? Или все вы, – Серега повысил голос, – решили коллективно скинуться? Так давайте, мы не против. Или че, по-другому будем решать?

Кажется, толпа зависла еще больше. За подобную наглость полагалось бить до потери сознания, но...

– Че-то я вас не знаю никого, – сказал парень в полосатых штанах, и в голосе его звучало недоумение, а не агрессия. – Центровые, что ли? Я Леша Сувор, меня тут все знают. А вы кто такие?

– Ну пошли отойдем тет-а-тет побазарим, – сказал Игорь, – че мы тут будем митинговать, ментов привлечь только.

Леша Сувор, похоже, не понял, что такое «тет-а-тет», но предложение не привлекать внимание ему понравилось.

– Ну пошли побазарим, – согласился он и махнул рукой. – Отбой, пацаны.

Толпа, кроме нескольких старших пацанов, которые явно были близкими друзьями Лешы Сувора, разошлась. А мы, компанией человек в десять, отошли от входа в парк в сторону, к бетонному забору.

– А вы отчаянные парни, не зассали прийти, – сделал нам комплимент Леша Сувор. – Впятером, могли бы сейчас там, – он махнул рукой в сторону входа, – в отключке валяться. Уважаю, че.

– Это кто бы еще валялся, – сказал Серега снисходительно, – сюда посмотри. – Он слегка приподнял рубаху.

– Ствол, – усмехнулся Сувор. – Чего, стал бы в пацанов шмалять из-за пары кассет?

– Полезли бы – стал бы, – пожал плечами Серега. – Так чего, по делу базарить будем или нет?

– А чего по делу, – усмехнулся Сувор. – Кассеты пацаны в первый же день пробухали. Да и бабок у них нет. Так, Бодман?

Один из парней утвердительно кивнул. Похоже, что он был из автовокзальной тусовки.

– И вообще, – продолжил Сувор, – нормальным пацанам в падлу друг на друга кидаться из-за двух кассет.

– Раз бабок нет, значит будут должны, – сказал Валерик.

– Нам чужого не нужно, – добавил я, – но своего мы не отдадим. Человек, у которого вы кассеты отняли, сказал вам, что с людьми общается? – обратился я к Бодману.

– Не помню, – сказал тот угрюмо. – Сейчас кого ни останови, все кем-то прикрываются. Че ж теперь, не отобрать ни у кого ничего?

– Пацан это был из нашего видеосалона, – сказал я. – А общаемся мы с Магаданом и Швилей. И с Сашей Щербатым были в хороших отношениях. Если есть сомнения, то можем хоть сейчас проехать и поинтересоваться.

– Саня хороший парень был, – сказал Сувор без особой грусти. – Жаль его. А че за видеосалон?

– В ДК медиков, – сказал я.

– А-а-а... – задумчиво протянул Сувор. – Ну чего-то слышал про вас. Так, а что ты предлагаешь? Я же говорю, бабок у них нет. Так-то вообще вы правы, я слова не скажу. Но предлагаю пойти навстречу пацанам. Может завтра все так повернется, что вы к нам обратитесь. И тогда мы вам навстречу пойдём. Добазарились, че?

Мы переглянулись.

– Добазарились, – сказал Валерик. – Но должок за вами, если что.

Высокие договаривающиеся стороны пожали друг другу руки и разошлись относительно довольные. Сам я был очень доволен.

– Лучше уж так, – вздохнул Игорь, – а то правда стрелять кого-то пришлось бы.

– Худой мир лучше доброй ссоры, – согласился я.

– Вообще, да, – усмехнулся Валерик. – И волки сыты, и овцы целы. За Витю мы уже с них спросили. А кассеты... хрен с ними. Будут должны встречную услугу, если что.

– Ну вы даете! – Ожидавший нас таксист был сильно недоволен. – Я уж уезжать хотел! Чего так долго-то?!

– Дела, отец... – сказал Серега.

– Ожидание будет оплачено, – добавил Валерик, похлопав себя по карману.

Мы поехали по домам, в целом инцидент был исчерпан.

А во вторник я последний раз встретился с Витей. Он был тих и задумчив.

– Так странно, – говорил он с удивлением, – вроде бы головой я все понимаю. Все понимаю! Что здесь мрак, развал и безнадега. Очереди. Перестройка эта. Что народ с ума сходит. Головой я это понимаю, и понимаю, что надо уезжать. Но уезжать не хочу. Вот как так?! Не разорваться же надвое, в самом деле?! Я же понимаю, что там все другое, вообще все. К этому-то я привык, к нашему... А там сколько привыкать?

– Привыкнешь, – сказал я успокаивающе. – Восемнадцать лет, вся жизнь впереди. Люди вон на старости лет в Израиль едут и ничего, счастливы.

– Знать бы прикуп, – вздохнул Витя, – если бы знать, что будет у нас здесь нормальная жизнь, перспектива...

– Если ты об этом беспокоишься, – сказал я с грустной усмешкой, – то езжай спокойно и не морочь себе голову. Нормальная жизнь нам только снится...

– Если бы не отец... – мрачно сказал Витя.

Мы помолчали немного.

– А я помню... Мелко-мягкий! – сказал он внезапно.

– «Микрософт», да, – улыбнулся я.

– И спрашивать нельзя, откуда знаешь?!

– Спрашивать можно, – пожал я плечами, – только ж я не отвечу. Или сокру чего.

– Тогда расскажи еще! – потребовал Витя. – Что еще мне нужно знать?

– Вообще, хватит с тебя и этого, – сказал я, – но если сильно хочешь, то пожалуйста.

«Яблоко».

– Какое еще яблоко?! – изумился Витя.

– Еще одна компания, – объяснил я терпеливо. – «Apple» называется. Сейчас стоит копейки, а вырастет в сотни раз.

– Откуда знаешь?! – немедленно встрепенулся Витя.

– Нельзя спрашивать, – важно сказал я.

– Если ты меня разыгрываешь... – начал он возмущенно, но я перебил:

– Нет, не разыгрываю.

– Ты как-то по линии КГБ это узнал, да? – спросил Витя, понизив голос.

– По ней, – вздохнул я.

Он возмутился:

– Врешь!

– Ну и вру... – сказал я обреченно.

– Теперь верю... А скажи, Леха, вы теперь этого боксера подтянете, Серегу, ведь так?

– Думали, – сказал я, – подтянем, да. Сам видишь, что творится.

– Вообще, смотрите осторожнее. Я вот вас втянул во всю эту коммерцию... а теперь уезжаю. А вы остаетесь. И если что-то случится, то получается, что я во всем виноват.

– Не бери в голову, – усмехнулся я.

– Ладно... Я, как приедем и обустроимся. Отпишу- как и чего. Может и в самом деле какие-то дела придумаем, совместные.

– Буду ждать, – сказал я.

Мы попрощались. На следующий день Витя уехал вместе с родителями, а еще через несколько дней события снова закрутились...

Так, одним прекрасным вечером, я вернулся домой и обнаружил, что в папенькином кабинете происходит очередное партийное совещание. Присутствовало несколько человек, мне не знакомых. Я немного послушал, о чем они говорили. Выходило очень интересно.

Так, первого секретаря обкома все же снимали. И скорее всего, это было делом рук отставленного Владимира Александровича Герцина, бывшего начальника областной торговли.

– Он, точно говорю, – убеждал какой-то настойчивый голос, – были у него материалы, наверняка были! И решил, что если меня сняли, то гори все синим пламенем! И вбросил – может быть даже в Москву!

– Сам-то он известно где? – спросил папенька.

– Никто не знает, – отвечал второй голос. – Где-то на дно залег! Да и наплевать на него, Володя! Кому теперь какое дело, где этот негодяй прячется, если все и так в лучшем виде разрешилось?

Разрешилось все действительно в лучшем виде. Начальник моего папеньки товарищ Бубенцов шел в обком, на повышение, на место вышедшего Иван Иваныча. То есть, становился фактическим хозяином области. А папенька шел на его место – первым секретарем горкома партии. По крайней мере, именно такое предложение ему было сделано. А что, подумал я. Это очень интересные перспективы открываются. Такая полнота власти, пусть даже перед самым ее крахом – это серьезно. На этом можно хорошо сыграть. Что касается папеньки, то предложение это ему свалилось как снег на голову и слегка оглушило.

– Хочу подумать, товарищи, говорил он. – В такое время, такую ответственность... – сами понимаете.

Товарищи же, в свою очередь, убеждали его, что время всегда будет «такое», а лучше него город никто не знает.

– Никаких «подумать», Володя! – торжественно говорил неизвестный. – Нечего тут думать, твой ответ прямо завтра нужен, с утра! Ну глупо же, черт побери! О такой должности люди и не мечтают!

– Соглашайся, Владимир Иванович, – убеждал второй. – Что за причуды, в самом деле? Партия говорит – надо! Григорий Степанович тебя с наилучшей стороны аттестует! Или ты хотел вторым в обком? Нет, дорогой, сейчас вторым в обком нельзя, там... ну ты сам же понимаешь? Утвердят тебя без единого возражения, дело ты знаешь, люди знают тебя...

Папенька понимал. Место второго секретаря получал молодой и перспективный номенклатурщик по фамилии Тихоновский. Происходил он из семьи потомственных партийцев, всегда держал нос по ветру и колебался вместе с генеральной линией. Семья товарища Тихоновского была спрутом, раскинувшим свои щупальца по всем областным органам власти, так что игнорировать ее в сложившихся обстоятельствах не получалось.

– Да... – сказал папенька растроганно. – Наверное, вы правы, друзья. Что же, я готов... По мере сил, так сказать!

– И расчудесно! – возрадовались голоса. – Тогда давайте, товарищи, поднимем за будущего хозяина города! Пожелаем дальнейших свершений! Долгой и плодотворной работы!

Звон бокалов отзнаменовал новое назначение.

– А времена, Володя, сейчас вполне приличные, – сказал один из гостей. – Зря ты на времена наговариваешь. Умному человеку в любое время хорошо. Нужно только понимать, как все работает... Не забыл еще, где базис, а где надстройка?! Вот, то-то и оно!

– У Григория Степановича два кооператива уже, – пьяно говорил второй. – На кума, на зятя... И ничего – первый секретарь теперь. Вот он, базис, Володя! Это Герцин – дурак! А у умных людей все по уму!

– Не нужно бояться новой жизни, Владимир Иванович, – подтвердил второй голос.

– Новый год, порядки новые... – пьяно вздохнул первый.

Гости разошлись поздно, а папенька торжественно объявил нам с маменькой. Что вступает в новую должность. Идет, так сказать, на повышение. У маменьки на радостях дажехватило сердце слегка.

– Ты, Володя, не огорчайся, что в обком не попал, – сказала маменька со слезами радости на глазах. – Бог с ним, с обкомом. Как римляне говорили – лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме.

– Это верно, – согласился папенька.

– Поздравляю! Очень рад! – искренне сказал я.

Папенька милостиво принял мои поздравления и пожелал всем присутствующим спокойной ночи.

Как раз завтра в клубе кооператоров – кафе «Уют», состоялось очередное собрание, которое я и решил посетить. Навестить Евгения Михайловича и, если получится, обсудить с ним сложившуюся ситуацию.

В клубе все уже все знали. Я снова удивился, насколько быстро приходит информация к этим людям – вот она, всепобеждающая сила золотого тельца! Присутствующие очень обрадовались моему визиту, а больше всех радовался Евгений Михайлович, который долго тряс мою руку:

– Поздравляю вас, Алексей! От всего сердца! Городу очень повезло, что во главе его сейчас такой человек, как ваш отец!

– С таким приобретением всех нас можно поздравить! – вставил кто-то из присутствующих. Как мне показалось, прозвучало это довольно двусмысленно.

– Вот видите, – сказал мне вполголоса Евгений Михайлович, – одним махом столько всего решили. Володю Герца убрали. А попутно и секретарь обкома слетел. Может и не из-за этого... – Евгений Михайлович подмигнул мне. – А может быть... Впрочем, не будем гадать. Сейчас областью и городом управляют приличные люди и... может быть! В этом есть и наша маленькая заслуга! Так что, господа, сегодня праздник!

И праздник начался. Было грузинская вино и финская водка, от которой я вежливо отказался. Был шашлык и икра. Были ананасы и шампанское. Одним словом, ничего особенного, нормальный купеческий загул людей, которые прожили скромную и полную лишений жизнь, но вдруг внезапно разбогатели. Лично я бы предпочел пиццу.

Честно говоря, на празднике я скучал. Ждал, когда все закончится. Чтобы пообщаться с Евгением Михайловичем наедине. И вот, дождался. Участники банкета разошлись, а Евгений Михайлович вновь пригласил меня в святая святых клуба – в подсобку.

– Ну что, молодой человек, может быть теперь поговорим о делах? – спросил он меня вкрадчиво.

– Всегда готов! – торжественно рапортовал я.

– Давайте обсудим один вопросик... – сказал Евгений Михайлович. – Наша партия с правительством – дай им бог всего самого наилучшего, – заботятся о каждом предприятии. Можно сказать, неусыпно! – сказал он торжественно. – Вот, дали возможность заводам и фабрикам самим распоряжаться продукцией. – В этом месте Евгений Михайлович помрачнел. – Хозрасчет, экономическая самостоятельность – все возможности! Но вот некоторые особо безответственные директора – злоупотребляют! Нагло и беззастенчиво! – голос Евгения Михайловича дрожал от праведного гнева. А я не мог понять, куда он клонит и для чего весь этот перформанс.

Глава 7

– Это все очень интересно, Евгений Михайлович, – сказал я, – но...

– Тогда я перехожу сразу к делу! – объявил Евгений Михайлович. – Вы бы хотели заняться лакокрасочной продукцией?

Я изумленно уставился на своего собеседника.

– Лакокрасочной? Но я понятия не имею... Это же нужно оборудование, сырье, рабочих нужной квалификации... – начал лихорадочно перечислять я.

Евгений Михайлович в свою очередь удивленно посмотрел на меня.

– Зачем вам сырье и рабочие? Или вы таки любите делать краску с лаками?

– Но я не понимаю! – сказал я с отчаянием в голосе.

– Сейчас все объясню, – успокоил меня Лисинский. – У нас в городе есть химзавод. Где делают лаки и краски. Слышали?

– Про завод слышал, конечно!

– И вот там, на заводе есть все – оборудование, материалы, люди. Они все это умеют и любят. Еще на заводе есть даже директор завода.

– И в этом как раз и заключается проблема? – спросил я, догадываясь, о чем пойдет речь.

Евгений Михайлович просиял.

– Вы совершенно точно угадали, молодой человек! Есть директор завода. А есть наши магазины «Строитель», в которых пустые полки. Ни красок, ни лаков, ни банального растворителя! Пустота! При этом, напомню, у нас в городе имеется соответствующий завод! Который выполняет и перевыполняет план по производству всего того, что у нас на полках отсутствует! Понимаете?

– М-м-м... – сказал я. Пока было не очень понятно.

– Так я скажу яснее – директор делает так, что продукция уходит за пределы области. В Прибалтику. В Казахстан. В Азербайджан. Директор за год купил себе две «Волги». И дом в Сочи в два этажа. Я бы тоже хотел дом в Сочи, там хороший климат! Вы бывали в Сочи, молодой человек?

– Он продает... с нарушениями? – Я игнорировал вопрос Евгения Михайловича относительно Сочи.

– Где я говорил, что он продает с нарушениями? Он продает очень чисто, очень! Комар носа не подточит! Только он продает кооперативу. А в нем есть председатель – сын его зама. И уже этот сын зама торгует по всему Союзу так, что получают «Волги» и дома на юге. Должно быть у мальчика талант, – иронически заметил Евгений Михайлович.

– Так... – сказал я, начиная понимать.

– Я всего-то и хотел – попросить директора продавать немного продукции какому-нибудь местному кооперативу. Нашим людям тоже нужна краска, Алексей. Например, покрасить дверь или забор. Вот у вас, Алексей, уже открыт кооператив?

– Еще нет, – сказал я с сожалением.

Евгений Михайлович воздел руки к небу.

– Таки я не знаю, чего вы ждете и о чем мечтаете? Наверное, вам очень нравится показывать публике идеологически чуждое нам кино и сражаться с уголовным элементом?

Я смутился. Осведомленность Евгения Михайловича слегка меня напрягала.

– Сделаем в ближайшее время, – твердо сказал я. – А вы мне объясните схему полностью.

– Какая схема?! – закатил глаза Лисинский. – Мы попросим товарища директора продать немного продукции нашему кооперативу. Естественно, мы самым обязательным образом все оплатим! Товар поступит на полки наших магазинов – покупатели рады, директора магазинов счастливы! Продавцы в восторге!

– И по какой цене поступит товар счастливым покупателям? – спросил я. – Рискну предположить, что она будет слегка отличаться от государственной?

Евгений Михайлович строго посмотрел на меня.

– Немного будет отличаться, это вы очень верно заметили. Немного! Процентом на пятьдесят, не более того. Должны же мы будем получить скромное вознаграждение за то, что решаем товарную проблему региона?

– Безусловно, должны, – согласился я. – А почему вы сами все это не проделали?

– А потому что продать какому-то Лисинскому – это одна история, да и кто такой этот Лисинский, чтобы ему продавать и делать себе убыток? Кто бы со мной стал разговаривать? Я бы и не пытался! Я такой же, как и он, директор. Если я приду к нему с таким предложением, то он пошлет меня по известному в России адресу. И будет по-своему прав! А вот продать сыну первого секретаря горкома нашей любимой партии – это совсем другая история. Все хорошо знают, что случилось с товарищем Герциным и какова в этом роль вашего отца.

– Все понял, – сказал я. – И последний вопрос, Евгений Михайлович. О какой сумме ориентировочно идет речь?

Евгений Михайлович пожал плечами.

– В первый месяц ваша доля будет примерно тысяч десять. Может и больше, смотря сколько товара нам удастся выбить из этого Рокфеллера.

Я задумчиво кивнул.

– Обращаю ваше внимание на то, – торопливо сказал Лисинский, – что таких заводиков только по городу десятка два. А есть еще и область. Вы меня понимаете?

А чего ж тут непонятного?.. Все было понятно, перспективы действительно открывались очень обширные.

– Только действовать нужно быстро. Есть еще обком партии, и в нем тоже появились деловые люди, которые могут нас опередить. А также и другие структуры... Сейчас главное – застолбить участок. Как раньше у золотоискателей, читали?

– Читал.

– Ну вот и прекрасно! И еще одно, молодой человек. Мой вам дружеский совет – старайтесь не конфликтовать с уголовниками. Лучше со всеми дружить. Вот мне приходится иногда поддерживать отношения с такими людьми, что и вспомнить неприятно, – вздохнул Евгений Михайлович. – Но приходится, деваться некуда. Если вам таки всадят ножик в живот, то зачем тогда и деньги?

– Вы рассчитываете оставаться со всеми в хороших отношениях? – спросил я иронически.

Евгений Михайлович развел руками.

– Когда был жив Саша Щербатый, мир его праху, я давал ему немного денег просто так. Еще иногда мы играли в карты с ним и его друзьями, и я проигрывал! И поймите, не то чтобы я не умею играть. Я немножечко умею. Мы играли в деберц, знаете ли. Но вот они выигрывают, им приятно, а мне не жалко. И у нас хорошие отношения. Сейчас вышел Володя Седой, я его давно знаю! И вот, он вышел, я заслал ему немного денег, и ни о чем не беспокоюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.